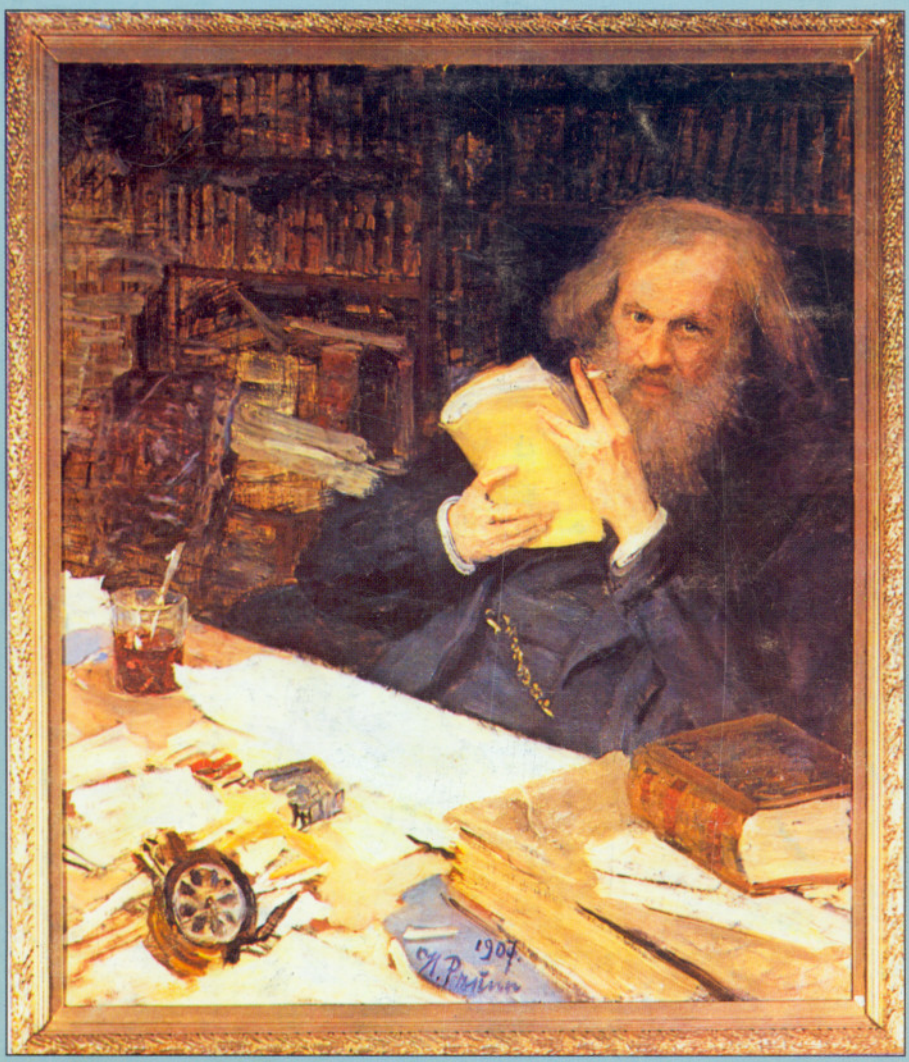
ISSN 0869-6322

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ



№ 4 2004

«В войне с Германией ныне пребывание в траншеях – долг каждого гражданина»

Письма М.Федорова Г.В. и Р.М. Плехановым. 1914–1917 гг.

Публикуемые документы представляют собой часть писем из продолжавшейся на протяжении трех лет (1914–1917) переписки русского социал-демократа, члена парижской группы меньшевиков-партийцев, волонтера Республиканского отряда, капрала Французской армии Михаила Федорова и Г.В.Плеханова, выдающегося мыслителя и общественного деятеля, внесшего весомый вклад в развитие общественной мысли и общественного движения в качестве философа-марксиста и социолога, историка и литературного критика, экономиста, революционера, деятеля российского и международного рабочего движения, одного из основателей группы «Освобождение труда» и Российской социал-демократической рабочей партии, представителя РСДРП во II Интернационале. Письма адресованы как Георгию Валентиновичу, так и его супруге и верному товарищу Розалии Марковне.

Комплекс из 33 документов Михаила Федорова, отложившийся в архиве Плеханова, содержит 32 письма, из которых в данной публикации читателям предлагаются 18, датированные концом августа 1914 – маем 1917 г. Следует отметить, что сектор Российской национальной библиотеки Дом Плеханова не располагает письмами Плеханова Федорову, и тому есть несколько причин. Переписка между ними прервалась в 1917 г., в котором, предположительно, Федоров погиб. И, если они хранились у адресата на фронте, то, вероятно, утрачены естественным образом; письма могли остаться в семье Михаила Федорова, но ее судьба нам не известна. Если жена и дети Федорова не вернулись в Россию после Февраля 1917 г., как можно предположить из последнего публикуемого письма, и остались жить во Франции, то Р.М.Плеханова и ее дочери, предпринимавшие поистине титанические усилия по восстановлению целостности архива Георгия Валентиновича и аккумулировавшие в его архиве также и *копии документов* (в том случае, если владельцы оригиналов по каким-то причинам не были готовы их отдать), обязательно обратились бы к Федоровым, которых знали заочно.

Вероятность того, что к Федоровым все-таки обращались, косвенно подтверждается двумя документами. В архиве Георгия Валентиновича (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. IV. «Материалы других лиц». Ед. хр. 496) хранится письмо не установленного лица на имя Михаила Федорова, в котором сообщаются условия работы на шахте (Из писем к Плеханову, не вошедших в данную публикацию, известно, что Федоров обращался к нему с просьбой помочь найти работу). Еще одним подтверждением служит выписанное 16 марта 1914 г. секретарем парижского клуба меньшевиков-партийцев на имя Михаила Федорова приглашение на очередное заседание (Ф.1093. Оп. I. «Материалы к биографии»). Оба документа были

адресованы в Париж. Каким образом они оказались в фонде Плеханова, если их не передали те, у кого они хранились? Однако следов писем и, по крайней мере, одной телеграммы Георгия Валентиновича Михаилу Федорову пока найти не удалось. Кроме перечисленных могли быть и иные обстоятельства, сведениями о которых мы сегодня не располагаем.

Публикуемые письма имеют несколько сюжетных линий: автор пытается разобраться в причинах и целях развязанной Тройственным союзом агрессии; осмыслить взаимоотношения ввергнутых в пучину войны государств и политику стран, избравших в период войны позицию «нейтралитета»; объяснить раскол в международном социалистическом движении, обусловленный разницей в понимании и оценке происходящих событий, и попытки его преодоления; обменивается мнениями относительно взаимодействия международной демократии в борьбе против германской экспансии, о совместных действиях представителей различных политических партий России и Франции по организации обороны страны в газете «Призыв»; представляет свидетельства солдата-участника «позиционной войны» на Западном фронте, пишет о судьбе русских волонтеров, воевавших в рядах французской армии.

Перед читателем предстает галерея русских политических эмигрантов, многие из которых, пройдя царские тюрьмы и каторгу, по закону не подлежавших призыву во французскую армию, но посчитавшими себя нравственно обязанными перед Францией – страной их приютившей, и Россией, сыновьями которой они себя считали, вступить в борьбу против пангерманистов, как их называет Федоров. По оценке Л.А.Крестовской, одного из организаторов Общества помощи русским волонтерам (1915), в рядах Русского добровольческого отряда сражалось не менее 4000 волонтеров, а ее ядром стал Республиканский отряд, в который вошли 75 социалистов, по преимуществу эмигрантов, с давних пор проживавших во Франции[1]; среди них был и Михаил Федоров, ушедший на фронт 22 августа 1914 г.

В одном из первых писем Плеханову, не вошедшем в данную публикацию, Федоров отвечает на вопрос о специальности, по которой работает, и приводит, по существу, недолгую по времени (по данным Л.А.Крестовской, Федорову было 34 года, он был женат и имел детей[2]), но богатую событиями биографию: «Письмо, в котором Вы спрашивали меня о моей специальности, я не получил: оно, по-видимому, пропало. Полиция и здесь не дает мне покоя: справляется обо мне у консьержки и т[ому] п[одобное]. К сожалению и моему несчастью, я не приобрел себе никакой специальности. С 15 лет нужда заставила меня служить и заниматься трудом, который может кормить на специфических должностях, в высшей степени малочисленных. С 1895 по 1902 г. я занимался в конторе Тульского императ[орского] оружейного завода в качестве служащего по ведению расчетов с рабочими; с начала 1904 по май 1905 работал слесарем в Батуми на заводе Манташева и К°, затем был профессионалом в закавказских и тульской организациях партии, с 1907 по 1913 отбывал тюремную повинность. Я *хотел бы* работать по металлургической части, но самое большее, [на] что я могу претендовать – это роль плохого слесаря или токаря. Теперь я стараюсь постигнуть тайны электромонтерного дела и, следовательно, к лету мог бы надеяться приобрести познания, необходимые для установки электрического освещения. По объему личных потребностей мне нужно очень мало труда для их удовлетворения, лишь бы была

---

[1] См.: Крестовская Л.А. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Paris, [Б.г.]. С. 42–43.

[2] См. там же. С. 122.

возможность участия в делах нашей партии. Здесь это участие совершенно невозможно проявить, если не захотеть заниматься мелочным фракционным подсиживанием»[3].

Отвечая в другом письме на приглашение Георгия Валентиновича приехать в Италию, Федоров пишет: «Теперь я оправился и чувствую себя физически хорошо. Во всяком случае, я, надеюсь, не явился бы бременем, т[ак] к[ак] потребности мои весьма скромны, хотя и работоспособность, правда, не велика, из-за отсутствия образования. Я не знаю ни одного языка, кроме родного, изучить который в достаточной мере тоже не сумел, читал много, но прочитанное не применялось на практике, и выветривалось. В смысле политической благонадежности я могу сказать только, что за время пребывания в партии с 1898 по сей год под партийным судом и следствием ни разу не состоял; раньше я писал о том, кто из лиц известных, у кого можно бы при случае спросить обо мне, знают меня, здесь – для удобства – повторю: Алексей Московский (встречался с ним в Москве, в 1907 г.), Исидор Рамишвили, Ной Джордания [Жордания], Викентий Ломтатидзе, Герасим Махарадзе, Георгий Гогошвили (врач, живет в Ницце, встречался со мной в Гурии в 1905 году), А.Богданов (в кружке у него был в 99–900 гг.), Алексинский (встречал в Туле, в 1906 г.), в № 20 «Искры» напечатан текст листка, за распростр[анение] которого я был арестован, в № 27 сообщение об этом деле (письмо из Тулы)»[4]. А ведь это имена известных и влиятельных членов РСДРП![5]

При чтении писем не могут не вызвать уважения высокий идейный настрой, начитанность и гибкость мышления автора, его умение философски воспринять действительность, понять ее и не отчаяться; способность размышлять о смысле и назначении человеческой жизни в условиях, когда смерть оказывалась гораздо ближе, чем те идеалы, к достижению которых он стремился; глубочайшее уважение Федорова к тем, кто в минуту испытаний состоялся как Человек.

И здесь хотелось бы сказать несколько слов о Георгии Валентиновиче Плеханове – адресате Михаила Федорова, в переписке присутствующем лишь в качестве невидимого собеседника автора писем, которого сам Федоров с благодарностью назвал своим Учителем. В мемуарной литературе давно бытует мнение о Плеханове как о человеке высокомерном, неприятном в общении, способном облить окружающих презрением и насмешкой...

Михаилу Федорову неспроста в деликатной форме задали вопрос о специальности, а не об образовании. Его первые письма, многостраничные, написанные сплошным текстом, структурно не разделенные соответственно темам, которые он хотел обсудить, некоторая прямолинейность оценок событий и людей, которых Плеханов хорошо знал, и с которыми его связывали не только деловые отношения, говорили о человеке много перенесшем, не всегда способным оставаться уравновешенным, но, безусловно, много и благородно думающем, искреннем, критически воспринимающем не только других, но и себя. Георгий Валентинович увидел эти качества и откликнулся.

Розалия Марковна, которой не раз приходилось после смерти мужа выступать в печати против «клевет», как она писала в одном из писем, на покойного Плеханова, иногда повторяла фразу о том, что людям, которые увидели Плеханова таким, каким они его описывали, Георгий Валентинович не раскрыл свою душу. Но ведь душа человека открывается только душе Человека... Только человек и способен увидеть в подобном себе – человека.

---

[3] РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.2. Л. 1.

[4] Там же. В. 432.6. Л. 1.

[5] О них см.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. М., 1996.

Документы, кроме письма М.Федорова от 27 ноября 1915 г., печатаются по оригиналам, хранящимся в Доме Плеханова – секторе Российской национальной библиотеки (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713 и Ед. хр. 21), в соответствии с современными правилами правописания, с сохранением стилистики источников. Сохранились 5 конвертов и 2 почтовые открытки, адресованные Федоровым Георгию Валентиновичу, Розалии Марковне или им обоим. Указания на них даны в примечаниям к конкретным письмам. Авторские подчеркивания выделены курсивом. В некоторых случаях изменена структура писем: часть из них писалась на почтовых открытках или бумаге небольшого формата, и каждый новый абзац автор отделял знаком тире. При публикации такой фрагмент печатается с красной строки. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. В ряде случаев отсутствуют сведения об упоминаемых лицах, что вызвано сложностью их получения. Среди них некоторые члены Республиканского отряда, а также парижские эмигранты, примыкавшие или участвовавшие в общественно-политической жизни русской колонии во Франции.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Т.И.ФИЛИМОНОВА.

№ 1[а]

[Париж] *[До 22 июля 1914][б]*

Георгий Валентинович!

О квартире Вашей справлялся субъект такой наружности: низкий рост, плешивый, сутуловатый, слабая растительность светловатого тона на губах и подбородке, выдающиеся скулы, серо-желтые глаза; страдает прыщами на голом черепе. По убеждениям он, как видно, анархист-индивидуалист; говорят, будто знает философию и любил выступать здесь на диспутах. Последнее время он работал на одной из фабрик в Levallois-Perret[в], возле улицы Gide, столяром. Встреченная мною у Вас девица есть человек так называемого «легкого поведения». Корпоративная столовая отвергла ее кандидатуру в прислуги. Дружила она с людьми, несомненно, «скверного поведения», один из которых подверг эмигрантскую колонию в Lill'e денежным испытаниям, прихватив кое-что и у французских граждан. Но я, признаться, был бы доволен, если бы операции этих людей не выходили за пределы «имущественных отношений».

Виктор[1] мне говорит, что с Вами хочет говорить делегация от общего комитета. Прилагаю при этом план заявления Алексинского[2] об одном из членов этой делегации – Антонове (высокий, глядит слегка исподлобья, слегка косит, говорит резко и нечисто). Он напоминает мне Ивана Карамазова[3]. Я склонен думать, что сознательно он не захотел бы быть теперь предателем, но «Брут сказал, он был честолюбив»[4].

[а] Конверт не сохранился. Адресовано Г.В.Плеханову.

[б] Дата установлена по книге Л.А.Крестовской «Из истории русского волонтерского движения во Франции» (С. 12), где указывается время отправки отряда русских волонтеров, среди которых был и М.Федоров, на обучение в лагеря в Блуа и Орлеан.

[в] Один из округов Парижа.

У этих цезарей [...][а] нет даже хорошего понимания своих политических задач. Что касается волонтерского отряда, то я сомневаюсь в том, что может явиться во французских войсках петухом возмущения против агрессивных действий французов в Германии. Разве только в том случае, если его корпоративные интересы толкнут его на возмущение скорее, чем другую часть войска. Во всяком случае, я и Виктор сделаем, что можем, в разговорах с волонтерами. Лева Владимиров[5], к сожалению, слишком финансист.

Ваш М.Федоров

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.13. Л. 1–2.

№ 2[б]

2 октября [1914 г.]

Вчера я написал Вам, но боюсь, что письмо не дойдет, т[ак] [как] с нами здесь обращаются крайне бесцеремонно. В дело нас отправить колеблются и продолжают изнурять ружейными приемами, шагистикой, да бессмысленными караулами. Рутины хоть отбавляй. Жестяную посуду красят в черный цвет, но оставляют ужасные красные штаны, по которым Вы на крайне далеком расстоянии сможете различить французского солдата даже одного, как то говорит мой опыт. Лучшее качество пехоты – подвижность при сохранении боевой способности, а здесь на Вас навьючивают около 2-х пудов. Кроме необходимого – ружья, 120 патронов и сумки – Вы носите ранец; в нем припасы на два дня, белье, куртку суконную, щетки, коробки с салом; на нем – одеяло, палатку, лопату или топор, жестяную посуду, палки для палатки, запасные ботинки весом фунтов в шесть, еще какую-нибудь кухонную посуду[в].

Я два года носил цепи, был большой любитель ходить, совершал и в этапах с хорошей нагрузкой большие переходы, но никогда не чувствовал такой тяжести. Однако и с этим можно было примириться до поры до времени, если бы не целый ряд других мерзостей. Вы не можете иметь даже капли теплой воды с общей кухни, мясо всегда недоваренное, хлеб крайне черствый – у всех почти расстроены желудки. Одежду выдали старую. Меж тем как в других полках и даже баталионах вся обмундировка заново. И с этим бы согласиться можно, но обращение совершенно невозможное: постоянная ругань и боязливо-презрительное отношение словно бы к опасным наемникам. Инструкторами над нами поставили африканских разбойников. Они способны научить только жестокости и разбою. Среди них есть отбросы всех наций, кроме французов, которые, очевидно, даже для своих подонков имеют другие скла-

---

[а] Далее неразборчиво.

[б] Конверт не сохранился. Адресовано Г.В.Плеханову.

[в] Напротив абзаца слева по полю имеется приписка: «Гростейн здоров и весел».

дочные места. Из всей нашей компании никто не умер, никто серьезно не заболел; только оба наши прежние руководители погибли для нас. Озберга[6] сделали капитаном и оставили при Орлеанском депо, а Лебедева – лейтенантом, и ожидался здесь, но до сих пор не явился. Озберг, в извинение своего ходатайства перед вешателями из русского посольства, приводил в разговоре со мной два аргумента: старость и семейные нужды. Все это вещи, на кривой взгляд, почтенные, но зачем же до бесчувствия, до припадения к стопам? Вот, поди ты: не знаешь, где найдешь и где потеряешь, хотя найдено пока маловато.

Вчера офицеришка наш подошел на учении к нам, русским, рассказал, что где-то вокруг Бельгии расстреляли около 300 солдат за отказ стрелять в немцев, и при этом добавил, что это – результат влияния «известных» идей. Чего же они хотят?

Мы в местах недавнего сражения: пожарища, могилы, трупы людей и лошадей, снаряды – валяются там и сям. Ночью и днем слышно канонаду сражений около Вердена и Малона[7]. Сегодня проверяли припасы личные, можно ожидать назначения в бой. Приехал вчера из Тулузы командир, полковник Пассар, привез знамя и других парижан. Ангажированных после нас. Если не будет Вам трудно, то пришлите немного денег по адресу: Departement L'Aube, camps Mailly, 2 etranger, batallion D, I-re compagnie, Federoff Michel. Лучше телеграфом. Присоединяю воззвание. Я согласился дать свою подпись под ним. На мой взгляд, оно несвоевременно, и его не следует пока афишировать[8].

Ваш Михаил Федоров[а]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.14. Л. 1–2.

№ 3[б]

7 февраля 1915 г.

Полулежу в траншее, вокруг меня шумит разношерстная публика, нашего легиона: только что вернулся из дозора, выпили водки, вина; закусили сыром и шоколадом, выкурили и ожили Сегодня вечером нас сменят другие, мы же кончим свое 4-дневное «лежанье» и пойдем на «отдых», т.е. удалимся от огня в грязную деревню, где наберем новых вшей... Война, что сделаешь; зато пока развеселились: ночь была дьявольская; все время лил холодный дождь, всю ночь стояли poste de combat[в], в жидкой грязи и «зорили» немцев, промокли до костей. Каждую ночь ждем атаки, но у немцев что-то не ладится: в день именин кайзера произвели они попытки атаковать нас, но были отбиты. Нет у

[а] Напротив абзаца по левому полю сделана приписка: «Зеленский – стоик и переносит больше всех».

[б] Адресовано Г.В.Плеханову. Письмо написано химическим карандашом. Сохранился конверт, часть которого была отрезана вместе с маркой.

[в] Нести дозор, караул, стоять на часах (фр.).

них духа отваги, хотя техника лучше нашей. Они, например, шли в атаку без ружей, с короткими штыками и гранатами в руках. Дело в том, что взять траншеи, если они защищаются храбрыми солдатами, крайне трудно: люди зарыты по голову, пулеметы и ружья развивают страшный огонь; прямо против нас есть сельское кладбище, около него я часто бродил днем (в патруле и самовольно) и видел следы атаки; по-видимому, немцы обошли траншеи (ныне покинутые) в тыл, но *даже и в этом случае* они оставили в 3 раза больше трупов, чем мы. Теперь у них здесь прямо страшные позиции, и я не знаю, как они возьмут наши. Здесь они отступали и успели выбрать вершину холмистого плато, мы же ютимся в болоте. Все время здесь идет ожесточенный артиллерийский бой, *приносящий крайне мало потерь для нас*, – не знаю, как для них. Только воодушевленное войско и именно с бомбами в руках может прорвать эту тройную цепь траншей. Ночью вся местность освещается летающими светящимися бомбами, и здесь видно различие духа: немцы бросают как-то по-воровски: быстро, сильно светящие и скоро гаснущие; наши же летят высоко, долго и спокойно. И ручные гранаты они первые пустили здесь в ход; вот уже два раза я вызывался охотником на это дело: и все что-то нейдет, а меж тем, по моему глубокому убеждению, нам до тех пор не прорвать линию немецких траншей, пока не пойдет вперед достаточное количество отважных людей с разрывными гранатами в руках.

Кормят нас здесь отлично, одевают тоже хорошо, правда, к нам, русским, здесь недружелюбно относятся, особливо, к «анархистам», но, по правде говоря, огромную долю волонтерского недовольства следует отнести на счет небоевых качеств самих волонтеров[9]. Нет слов, очень трудно воевать, особливо для меня, после пережитых «удовольствий», но здесь вся страна полна лишений: около Верзини (первая наша стоянка) я видел бедных детей, живущих, как звереныши, в землянках. И старшему из них было лет 16-ть. Где же их отец, где их мать? Да, страшно тяжелое дело война. По первоначалу мне было куда как круто: разные мысли одолевали, увидишь труп – до самой середины содрогнешься. Моя «история» с судом обязана, в большей степени, душевному расстройству, теперь уж я огрубел и могу «критически» отнестись к своим припадкам «сентиментализма». К слову сказать, и мой прежний ротный был недоволен на меня за частые протесты против грубости и воровства. Теперь и то, и другое куда меньше практикуется, чем вначале. Республиканскую группу нашу, в конце концов, разрушили: этот ротный прямо из огня отправил в депо 48 человек с отношением об их «недисциплинированности», но анкета выяснила также многое из темных сторон легиона. В сущности, эти 48 человек никакого «бунта» не произвели, только вышли из себя при виде непрекращающегося грубиянства и зашумели на оскорбившего их сержанта. Теперь мне пишут, что их отправят по 5–10 человек в разные французские полки[10]. Что говорить, неприятно переносить грубиянство какого-нибудь африканского разбойника, но сие неизбежно до поры до времени. В некотором отношении это даже полезно: надо же знать этих господ, что состоят на

службе у..., да к тому же они, при всей их неумытости, вынуждены сейчас выполнять прогрессивную роль.

«О войне»[11] читаю с большой радостью. Розалия Марковна пишет, что я с энтузиазмом пошел в добровольцы. Ну, знаете, если говорить правду, так придется признать, что Ваше влияние имело большое значение в моем поведении, недаром моя супруга сердита на Вас. Но, как видно, я не настолько истрепался, чтобы идти против истины. Главное сопротивление я встретил именно в том обстоятельстве, что наши родные держиморды идут против отечества Августа Бебеля[12] и Маркса, но «ход вещей»[13] успокаивает меня: там, на русско-немецкой границе, дело будет не так-то просто, и собачник села Першина (кн. Н[иколай] Н[иколаевич])[14] не будет иметь успеха. Сейчас я читал «Фейербаха» Энгельса и нашел там строки, объясняющие поведение гг. Зюдекумов[15] и К°: «По мере того, как спекуляция, покидая кабинеты ученых, воздвигала себе новый храм на бирже, интеллигентная Германия забывала великий теоретический интерес». Не любил я, грешный человек, этих мастеров говорильного дела и не ждал от них проку, но все же не ожидал от них такой прыти. Я так и уехал из Парижа в уверенности, что немцы[16] не с Вильгельмом[17], потому и взъелся на Рапопорта[18], когда он сказал, что Интернационал разрушен. Но, не беда, «массы учатся на своих ошибках», и скоро немецкие тов[арищи] увидят, в какую бездну заводит их это заблуждение. И не только одни немцы, теперь шведы. Памятуя доброе отношение к ним германцев во время забастовок 1909 года, не дерзают осудить их ошибку; итальянцы думают улучшить свое экономическое положение, пользуясь излишком заказов из-за сокращения производства во враждующих странах, и поэтому пребывают пока в «нейтралитете», но скоро промышленный застой и их толкнет на путь активной политики. Вот это обстоятельство как бы ускользает от внимания вождей: они почти ничего не делают для сплочения пролетарских сил и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» как бы забыт ими. Или содрогание широкой силы пролетариата угрожает поколебать также постройки этих людей, и они боятся пролетарского движения? «Доверие» французских т[оварищей] к правящему классу заходит слишком далеко: оно превращается в проповедь духовной слепоты, между тем как другие не зевают. В музее «Карнавале» в Париже висят портреты людей, не боявшихся производить генеральную чистку родных конюшен под огнем стоявшего на границе неприятеля, но то были серьезные люди, тогда как эти преимущественно болтуны. Однако на одном предвыборном собрании в Париже (там были главные вожди – Жорес[19], Бракк[20], Гед[21], Самба[22] и др.) я видел людей, похожих на Максимилиана и его друга[23]. Да, человечество продолжает хранить в своих недрах могучих новаторов, которые выходят наружу в бурное время и крепкими руками направляют заблудившихся на верный путь. Ах, эти французы! Так богата их история, так много поучительного, так невнимательно они к ней относились, будя по моим впечатлениям в Париже. Дух спекуляции провонял собой даже лучшие его – Парижа – кварталы. Ну, свечка догорает...

Спасибо Вам, дорогой учитель, спасибо от всей души. Я совершенно излечился от прежней хандры, ибо попал на рельсы. Жму руку Вам и Розалии Марковне.

Михаил

Каплет-таки здесь... Зеленский все мается в батальоне «Д», – он был недели 3 в госпитале «по случаю ревматизма». Достается ему здорово. Спрашивал я о нем как-то Кузнецова (ленинца, друга покойного Бриттмана). «Плачет, – говорит, – парень тихими, но горькими слезами». И я понимаю, ведь здесь иной раз ночью, в сырой яме, в тревогу в 2–3 минуты нужно собрать и навьючить на себя добрых 2 пуда, а он «по воле» панталон своих, извините, не умеет добросовестно застегнуть. Гростен был отправлен обратно в Орлеан, и ныне его местопребывание неизвестно. Экк – помните такого бородача на rue Tolbiac (он же – ленинец Мухин), был в одном шалаше с Бриттманом, когда прилетел немецкий Мармит, убивший Бриттмана и Богушко, и в силу чего он немного тронулся умом, и теперь где-то что[-то] караулит в качестве инвалида; Озберг, кажется, получил роту. В деле нашей группы он, подобно древнему Зевсу, укрылся в тучи. Но мне в моем процессе помог изрядно[24], хотя был, что называется en train[а] дать мне убийственный совет, которому я, конечно, не последовал.

Здоровы ли Вы? Изредка мне попадают творения Мартова и других пустомель[25]; ну, от этой братии отпетой какого ждать добра? Скучновато мне здесь: не с кем душу отвести в разговоре. Доброго здоровья.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.16. Л. 1–3.

№ 4[б]

18 октября 1915 г.

Дорогой и уважаемый товарищ!

Сегодня вечером мы снова и снова пойдем в атаку, и, быть может, в последний раз мне захотелось горячо пожать Вам руку. Многих из нас уже нет в живых. Ушел недавно Виктор Зеленский, показавший себя человеком великого духа. В своем последнем письме он говорил мне, что вокруг него творится нечто подавляющее, и что он ждет своей очереди все-таки спокойно. Через несколько дней его не стало.

Многие искалечены, и скольких еще сравняют с землей г[оспода] пангерманисты? Меня они еще не достигли; оглушали, отравляли, засыпали землей, швыряли во все стороны, но все еще держусь, хоть и трясет-таки порядочно.

[а] С целью наладить дело (фр.).

[б] Адресовано Г.В.Плеханову. Письмо написано химическим карандашом на почтовой открытке.

Вот уже 13-й месяц, как я в первой линии, откуда сошел только на 6 суток в отпуск в конце августа. Порой кажется: сейчас с ума сойду, а, глядишь, добавки супа просишь. Занятное существо – человек!

Знакомо мне Ваше письмо к Бурьянову[26]. Не только Россия, но также и Франция находятся в крайнем положении, и нужны отважные мероприятия, чтобы еще раз подчеркнуть заинтересованность народа в победном исходе войны. Но я уверен, что экономическое расстройство подвинет народные массы на серьезные шаги в сторону улучшения общественной организации.

Будьте здоровы, товарищ!

Привет Розалии Марковне.

Михаил

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.17. Л. 1.

№ 5[а]

27 ноября 1915 г.

Уважаемые товарищи, извиняйте за баловство: послал Вам два кольца, возделанные из алюминиевых остатков от разорвавшихся немецких снарядов; в одном из них оставлен кусочек меди, взятый мною с разбитого нашей артиллерией немецкого аэроплана, упавшего перед нашими траншеями, в Шампани, как раз в том самом месте, где я совершил один из лучших подвигов моей жизни: прорезал проход для наших солдат в двух линиях проволочных немецких заграждений, в 6 метрах от их траншей, работая в одиночку. Собираюсь скоро опять повидать их.

Жму Вам руки.

Михаил

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.18. Л. 1.

№ 6[б]

30 марта 1916 г.

Дорогие товарищи!

Знать, Вы не получили ни моего письма, ни моей посылки, что я Вам выслал еще в декабре прошлого года, так как до сих пор я не имею от Вас ответа. Все это время у меня не было настроения, располагающего к переписке; очень часто я был зол [на] многие нехватки в армии: я

[а] Адресовано Р.М.Плехановой. Письмо написано на открытке химическим карандашом.

[б] Адресовано Р.М.Плехановой. Написано химическим карандашом на почтовой открытке-бланке: «Correspondance des Armees de la Republique. Carte en France».

очень хочу выгнать пангерманистов, и всякая проволочка меня глубоко задевает.

Сказать по правде, мне совершенно не по нутру «служебное» отношение к делу обороны, и всякий раз, как события принимают медленный темп, и траншейное житье принимает характер «отбывания повинности», я начинаю бунтовать и ругаться с начальством.

Последнее меня очень уважает за энергию и храбрость, но в то же время считает за неумеренного ворчуна и «руспектёра»[а]. Да, я, между нами говоря, сам не очень высокого мнения кое о ком И, странное дело, я не могу не признать, что почти все франц[узские] офицеры — люди энергичные, да только у многих из них эта энергия не приводит к желаемому результату. Впрочем, не будем об этом *говорить* здесь: исправления придут на *деле*. Вы, конечно, понимаете, что я не могу здесь передавать подробностей, и потому я ограничусь тем, что в немецких штабах, несомненно, известно, а потому к передаче не опасно. Полк наш после битвы на Марне был внесен в состав особой армии, защищающей область крепости Вердена, и оставался всегда неподалеку. Генерал Дюбаль вызвал нас в Шампань в октябре п[рошлого] г[ода], но, убедившись, что дальнейшее наступление почти невозможно, вернул нас, после месячной битвы, в наш старый район. Вторично нас вызвали 25/II, когда немцы угрожали взять первую линию фортов. В решительный момент наиболее ожесточенных атак мы сидели в траншеях перед одним фортом, между нами и немцами не было ничего, кроме ратного поля, но, к нашему отдельному счастью, они произвели только ряд ложных атак, и полк наш почти ничего не потерял, так как всякий раз напряженный пушечный огонь останавливал немцев на приличном расстоянии. Нет сомнения для меня в том, что наступление немцев и выигрыш 7—6 километров вглубь от Перечного холма до Фрэн, был облегчен большими упущениями в обороне Верденской области. Я слышал, как артиллеристы с горечью рассказывали, что получили приказ отступать, не сделав и одного выстрела из пушек, взорванных при отступлении. Да и возле самих фортов не было достаточно артиллерии в начале немецкого наступления. Хорошо, что находятся люди qui n'ont pas froid aux yeux[б], как говорят французы, и дело было поправлено. Теперь немцы не прорвут этого места, хотя и так они понаделали много беды: подумайте только, что всю область пришлось «очищать» жителям. Я видел это бегство детей и стариков под грохот разрывающихся снарядов. Какова теперь музыка там, около Вердена, Вы можете понять сами, если я Вам скажу, что все 15—20 километров вокруг слышна почти непрестанная канонада, которая порой принимает характер ружейных залпов. И это преимущественно крупные орудия грохочут! Земля, ил, земли-то местами и не видно, а скорее какой-то бессмысленный хаос. И если бы Вы видели печальные отряды больных и раненых, идущих назад!.. Что

[а] По-видимому, автор употребил собственное словообразование, аналогов которому во французском языке найти не удалось.

[б] Которые не взирают равнодушно (фр.).

за свирепость, что за безумная жестокость в делах и поступках пангерманистов!

Пробыв 4 дня возле форта, мы получили приказ отправиться на правое крыло и укрепить один пункт против наступающих немцев. После 8 дней усиленного труда, сторожевой тяготы, рытья траншей и т.п., нам дали передохнуть 4 дня и снова послали занять этот сектор, откуда я выбыл по случаю незначительной раны.

В госпитале я пробуду не больше месяца и вернусь, после 7 дневного отпуска, в роту. Жаль только, что отрежут, пожалуй, мне средний палец на левой руке.

У меня есть две просьбы: во-1-х, присылайте мне денег, если у Вас таковые водятся, так как я хочу поправить свою «субстанцию» сверх казенной нормы; во-2-х, свой недельный отпуск я хотел бы провести вдали от эмигрантских кружков и в независимости от разных обществ помощи волонтерам, в коих я, признаться, большого добра не нахожу. Поэтому я просил бы Вас, если это Вас не сильно затруднит, и если Вы имеете в Париже подходящих людей, найти мне семью, к[отора]я была бы в состоянии пропитать меня в течение недели и дать ночлег.

Если же это Вам трудно устроить, то не думайте, что я буду лишен возможности воспользоваться отпуском: ведь у меня там есть жена; все дело сведется лишь к тому, что у меня не будет той «свободы духа», к[оторо]й я бы желал.

Вы, вероятно, читали о славной смерти т[оварища] Давыдова[27]? Это был верный товарищ, и мы много потеряли в его лице. В нашей группе он был слабейшим по здоровью, и первый заболел еще в Орлеане, но, несмотря на уговоры т[оварищей] и настояния начальства, не хотел оставить группу, пошел с нами на фронт и там переносил все невзгоды. Я любил встречать взгляд его добрых грузинских глаз, и всякий раз мне становилось как будто теплее возле него в холодной и мокрой кладбищенской траншее, где я в последний раз был с ним еще в декабре 1914 года.

Это был такой же идейный человек, как и В.Зеленский.

Быть может, излишняя абстрактность в поведении одного и преувеличенная преданность делу у другого сыграли роковую для них роль[28]. Дело в том, что надо не только погибнуть, но и победить, поэтому, когда я в траншее, то меня больше тянет к Оливеру Кромвелю[29], нежели к Максимильяну Робеспьеру. Я и сам не раз рисковал, да и теперь не прочь, коли, то понадобится, но я не хочу забыть, что il ne faut pas exagerer de rien[a] , в том числе даже и преданностью делу. Ибо, как бы там ни было, а свой кусок мяса тоже весит 60–70 кило, его тоже надо держать иной раз под прикрытием.

Ну, будьте здоровы!

Желаю Вам успеха.

Ваш Михаил

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.19. Л. 1–3.

---

[a] Не надо ничем чрезмерно увлекаться (фр.).

№ 7[а]

Бар-сюр-Об
Госпиталь № 5 *9 апреля 1916 г.*

Уважаемые товарищи!

Неделю тому назад я послал Вам отсюда 2 письма. Судя по тому, что я ни имею от Вас ответа ни на это, ни на посланные мною Вам еще в декабре прошлого года письма, я заключаю, что дело с корреспонденцией не обходится без участия «нечистый силы». Если это мое заключение справедливо, то – позор официальный Французской республике!

Ваш Михаил

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.20. Л. 1.

№ 8[б]

Бар-сюр-Об
Госпиталь № 5 *16 апреля 1916 г.*

Ах, дорогие мои товарищи, уж очень хочу побывать у Вас, да... не пустят... Впрочем, как буду в Париже, так посмотрю. Как жаль, что Вы, Георгий Валентинович, больны. Недавно я прочитал статью «Если хочешь доброго мира, веди хорошо войну»[30] и был ею крайне обрадован. Я всегда с большим нетерпением жду «Призыва»[31] и всякий раз жадно ищу Ваше имя в списке статей: мне, грешному, тоже порой приходят скверные мысли, особенно как здорово достанется в траншеях, и надоедят разные чудаки. В этих случаях Ваши статьи являются для меня самым лучшим лекарством. Тяжело сражаться за идеал, которого величие заслоняется частенько обыденной грязью, – для этого надо обладать силой духа необычной, а тут тело вопиет... Иное дело было на каторге, там непрестанные личные оскорбления держали всегда чувство гнева под «большим давлением» и не давали отойти от пути праведного, а здесь порой думаешь: и какого шута приходится зябнуть в этой земной трещине? Да еще оскорбляют тебя разные пыжи, ну и согрешишь в мыслях. Однако это случается со мной не часто. Вообще же я тянусь. Просился я однажды в воздухоплаватели, и начальство дало обо мне очень лестный отзыв, да знать не судьба мне быть в солдатах небесных: все места уж оказались заняты.

Жаль мне посылки: оба эти кольца я нарочно для Вас приготовил, из Шампани вынес их. Ну, да у меня дома должны быть еще такие же

[а] Адресовано Р.М.Плехановой. Написано химическим карандашом на Carte-Lettre, закрытой почтовой открытке-бланке с надписью «Correspondance Militaire», она представляет собой раскладывающийся конверт, внутренние стороны которого используются для письма.

[б] Адресовано Р.М.Плехановой. Написано химическим карандашом на закрытой почтовой открытке. Часть текста и почтовая марка утрачены.

кольца. Занятная вещь эти украшения. Интересно наблюдать, как французы «душу отводят» в траншеях за выделкой их, – лазают по дырам от разорвавшихся снарядов и с опасностью для жизни собирают материал: алюминиевые головки, медные пояса снарядов и пр. Иной bleu[а] таким-то путем и под огнем ходить приучается.

С квартирой я в Париже устроился, и Вы об этом не думайте. За франки спасибо! Больше мне и не надо, даже и из этой суммы я надеюсь привести с собой в траншеи хорошую выпивку для согревания озябших. Напишу еще.

Михаил

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.21. Л. 1.

№ 9[б]

Бар-сюр-Об
Госпиталь № 5 *16 апреля 1916 г.*

Г-жа Лункевич из Парижа мне писала, что Ваша дочь приняла меры к обеспечению меня квартирой и обедами. И то и другое совершенно улажено. Выздоравливайте скорее, Георгий Валентинович: враги начинают нас теснить, и надо дать им хороший отпор. Я написал пару слов в «Призыв» по поводу стачки у Путилова и хитрой речи г-на Поливанова в Государственной Думе[32].

Горячо жму Ваши руки.

М[ихаил]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.22. Л. 1.

№ 10[в]

[Бар-сюр-Об]
[Госпиталь № 5][г] *17 апреля 1916 г.*

Дорогие товарищи!

Я уже послал Вам вчера извещение о приходе Вашего заказного письма. Вы напрасно думаете, Розалия Марковна, что больше во Франции на фронт не попаду: «совсем напротив» – я вернусь в свою роту, которая все время занимает один из основных столбов Верденских позиций, – самое большее через 2 недели. «Рана» моя представляет собою простое уменьшение среднего пальца левой руки до половины ногтя,

---

[а] Новобранец (фр.).

[б] Письмо на почтовой открытке с видом на Бар-сюр-Об написано химическим карандашом и было вложено в несохранившийся конверт.

[в] Конверт не сохранился.

[г] Место написания письма установлено по содержанию текста.

причем, нерв совершенно не тронут, и палец «из строя не выбыл», — а раз уж такая малость осталась в строю, то мне и подавно надлежит там быть. Что бы я такое стал делать в тылу? Совершенно невозможное для меня состояние. Тогда как в траншеях я на своем месте; там я ссорюсь, ругаюсь направо и налево, как заправский «капрал», и доставляю немцам неприятностей, сколько могу. К тому же судьба меня щадит: до сих пор меня только по земле катало взрывами снарядов, засыпало землей в траншейных дырках, но убивать еще ни разу не убивало. Вот, видите, и язык у меня появился настоящий траншейный: показывает солдат товарищу пробитую каску: «Смотри, — говорит, — еще немного, и с тобой разговаривал бы мертвый человек!».

Что же касается физической выносливости, то у меня ее столько, что дай бог иному верблюду: из всего полка ни у одного не было такого тяжелого сака на спине, как у меня, да еще у одного поляка-волонтера, которого я никак не могу «перешагнуть». Я уж писал Вам, что траншейная жизнь троглодита за 18 месяцев необычайно укрепила меня физически, и я только одного опасаюсь: смерти от разрыва сердца из-за физического переутомления; но это — смерть богатырская и не позорная, — да я всегда во время «открываю клапаны», т.е. начинаю скандалить, на чем свет стоит, поднимаю шум на всю роту, изумляю всех — и в том числе самого себя — «плохим характером», и затем успокаиваюсь месяца на два. Правда, остался еще легкий ревматизм, но это — совершенно неизбежная для военного болезнь.

Интересные Вы для меня слова, Розалия Марковна, написали о скорой борьбе на нашей родине.

Что касается меня, то я убежден, что, если должна рухнуть затрещавшая на основе производ[ительных] сил современная общественная надстройка в Европе, то, прежде всего, это должно сказаться на наиболее отживших, наиболее противоречащих ходу объективного развития частях ее — это верно, но верно для меня также и то, что нечего и думать о каком-либо серьезном перевороте внутри борющихся с Германией стран до тех [пор], пока ее пр[олетариа]т и часть мелкой демократии не вступили на путь серьезного революционного *действия* против своих *внутренних* врагов, и пока это действие не приняло размаха, по крайней мере, обессиливающего этих врагов, делающего их неспособными выступить за пределами Германии в качестве носителей и защитников осужденной на гибель общественной формации. Если не ошибаюсь, такого же, приблизительно, взгляда держится и Георгий Валентинович.

Мне не раз приходили и приходят в память те энергичные французы, которые сумели перестроить свою общественную политическую организацию под угрозой вторжения иноземного врага в эпоху Великой революции. Но есть «маленькая» разница в характерах революций, с одной стороны, совершенных в Англии 1649 и во Франции 1789 и следующих годов и, с другой, — революции грядущей: во-первых, затрагивался принцип земельной частной собственности в пользу принципа частной собственности, так сказать, промышленного, капиталистического; поэтому революционеры встречали довольно легко сочувствие и в не-

драх капиталистов других стран, тогда как теперь пойдет речь об устранении всеобщего принципа частной собственности, а этому ни одна буржуазия, ни одной страны сочувствовать не станет, если только ее предварительно не приведут «в бесчувственное состояние». Следовательно, приходится подумать, если не об общих усилиях пролетариата большинства затронутых стран, то уж, по крайней мере, о таких условиях, когда сопротивляющиеся перевороту «силы» будут в приличной степени ослаблены. Конечно, переворот этот не «собинки»[а], когда крестьяне одного села отправляются гуртом помочь обитателям соседней деревни, и прол[етариа]т каждой страны должен расправиться, прежде всего, со своими внутренними недругами, но «общие интересы движения» приобретают большее, чем когда бы то ни было, значение. Интересом дня является теперь приведение «на путь праведный» немец[кого] пр[олетариа]та путем разрушения его завоевательных иллюзий и, в то же время, разрушение такого толстого «столпа общества», каким является политический строй Германии.

Я вовсе не офицер outrancier[б], не Васька Буслаев[33], и тоже готов весьма осторожно отнестись к разного [рода] буржуазным проектам милитаризации, но, в то же время, я понимаю, что в войне с Германией ныне пребывание в траншеях – долг каждого гражданина, как говорили рабочие Путиловского завода, а, следовательно, нечего бояться и законом признанного обязательного несения военной службы на время войны. Ведь характер и условия этого несения могут быть различны, ведь никто не мешает требовать *свободной* организации народа в армию и сопротивляться всему тому, что способно усилить позицию той или другой национальной буржуазии. Да, к тому же, разгром Вильгельма II стоит иного усиления г-на Пуанкаре[34], как когда-то Париж стоил обедни, и, если энергичная борьба против новейшего Аттилы[35], со стороны той или другой буржуазии – даже царизма – влечет за собой неизбежное усиление этой буржуазии, то я вовсе не огорчусь этим: без «зла» мы пока еще не научились жить, так будем выбирать меньшее.

Поэтому, Розалия Марковна, как бы я ни хотел возобновить то, что прервано в 1907 году в России, я все же вижу себя в необходимости подчинить свои субъективные желания требованиям «общих интересов движения», повелевающим мне возвратиться к исполнению обязанностей траншейного пушкаря 1-й роты 87-го пехотного полка, почтовый отдел № 118. И там, где дело касается армии, я требовал бы непреклонной критики, «дерзающей на все», мешающее борьбе с Вильгельмом и К°. В противном случае выйдет нехорошая вещь: слабость ведения этой борьбы удлинит ее, сделает ее более тяжкой для населения, обострит тем экономические противоречия внутри страны, толкнет людей на внутреннюю борьбу, когда внешний враг не будет еще в достаточной мере обессилен. Ведь было же сказано: раз общество напало на след своего естественного развития, оно не может ни покинуть, ни изменить

[а] По-видимому, собственное словообразование автора.

[б] Сторонник крайних мер (фр.).

его, – оно может ослабить муки родов. И как это ни странно иному странному «мыслителю», именно Альберт Тома[36] с его 400-миллиметровыми снарядами служит лучше кого бы то ни было этому облегчению мук родов.

Ну, тут я оборву себя, т[ак] [ак] пора и конец письму делать. Я не надеюсь побывать у Вас *в этот раз*: здесь лекаря совершенно не знают, могу ли я ехать в Италию, или нет и дают мне местом назначения Париж, а там – это уж я предвижу – г[оспода] писаря[а] *не осмелятся* изменить того, что указано в зоне военных действий (где я не перестал находиться) и, в результате, la ceinture[б], как говорят в траншеях, когда есть нечего. Но я надеюсь, что Вы, Розалия Марковна, сбережете Георгия Валентиновича до той поры, когда я, хоть и без ног, а выползу окончательно из этой свалки. Будьте здоровы.

Михаил

Да, помните ли вы того тов[арища] Михаила II-го, который на наших совещаниях в парижском кабачке ратовал за объединение только с ленинцами с ехидной целью «подъегорить» их? Он тоже волонтером в 151-м пехот[ном] полку и состоит у митральез[в]. Был ранен и вернулся опять в строй. Вторично у него в руках раздробило винтовку взрывом немецкого «210», сам же он остался совершенно невредим и пребывает на передовых позициях, откуда отражает немцев. Здесь сейчас его капрал, француз, который его очень хвалит, как стойкого, интеллигентного и храброго солдата. Я ему поспешил написать.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.23, 33а. Л.1–5.

№ 11[г]

Бар-сюр-Об
Госпиталь № 5[д] *19 апреля 1916 г.*

Совершенно я не понимаю тех «интернационалистов», кот[орые] искренне пытаются изобразить дело, будто их жалкие секты представляют собою настоящую международную организацию пролетариата. Кто с ними? *Большинство* тех рабочих, которые входили в международную организацию до войны, находятся на нашей стороне, это французские, английские, бельгийские, русские, итальянские, сербские товарищи. И, если *меньшинство,* т.е. рабочие Германии, Австрии и Болгарии изменили прежним своим заветам, то это значит только, что интернациональная организация *уменьшилась* в своем объеме, но отнюдь не разруши-

---

а Так в тексте.

б Подтянуть живот, затянуть пояс (фр.).

в Митральеза – историческое название пулемета.

г Конверт не сохранился.

д Место написания письма установлено по содержанию текста письма от 16 апреля 1916 г.

лась, как то прокричали разные мудролюбы из буржуазного и псевдосоциалистического лагерей. И к тому же на путь интернационального действия вступили теперь огромные массы мелкой и крупной буржуазии борющихся [с] Германией стран. Они толкнуты[а] на этот путь побуждениями самосохранения, но это отнюдь не изменяет интернационального значения их усилий против Вильгельма и К°.

Они, эти горе-социалисты, привыкли видеть в Интернационале организацию больше рассуждающую, нежели действующую. Между тем, Маркс давно еще заметил по поводу философии Фейербаха[37]: «До сих пор философы *объясняли* мир, тогда как дело в том, чтобы *изменить* его». И они употребляют все свои усилия, чтобы восстановить аппарат, который был бы способен только принимать грамотно составленные резолюции. Странная история совершается с некоторыми добряками! Они довольно сносно толкуют нам о грядущих задачах пролетариата, но как только наступает время для осуществления того или иного предначертания истории, они как бы пугаются огромности усилий и начинают разводить «благодушие», приличное разве только в устах достопамятной Товстогубихи. Ведь, в сущности, даже «смертоносные» средства г-на Ленина стоят по своей убийственности не больше «ржавых пистолей» Афанасия Ивановича Товстогуба[б].

Раньше я, бывало, часто говаривал своим оппонентам из тех, что в начале войны считали французский народ не способным к серьезному действию ни в деле борьбы с немцами, ни в сфере иного действия: «Надо хорошенько понять характер французов, чтобы основательно судить о них. Это — люди действия: они мало философствуют, но зато энергично действуют, и они еще не раз удивят мир величием своих усилий». При этом я всегда припоминаю сделанное Энгельсом замечание о том, что с[оциализ]м во Франции глубоко пропитал собой общественные отношения. Он является здесь как бы чем-то обыденным. Здесь умеют рассуждать действием. Посмотрите, какую мощь проявили эти «легкомысленные» потомки галлов! Германия сколько лет напрягала свои усилия, готовя войну, а они в 2 года стали почти в уровень с ней в деле материальной подготовки. Подите-ка, послушайте, как разговаривают их пушки на фронте, и Вы скажете мне после этого, чего стоит «легкомыслие» этих людей. Очевидцы говорят, что под Верденом лежат прямо бугры немецких трупов. А каждый раз после неописуемой бомбардировки наших позиций, когда, казалось бы, и самый воздух смертельно ранен, из разрытой земли встают эти люди навстречу полчищам Вильгельма и задают им такую трепку, что те совершенно теряют голову. Если не совершать крупных тактических промахов с нашей стороны, то под Верденом Вильгельм и К° получит страшную кровоточащую рану, которая ускорит его гибель.

Жму Ваши руки. Будьте здоровы.

Михаил

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.24. Л.1–2.

[а] Так в тексте.

[б] Герои повести Н.В.Гоголя «Старосветские помещики».

М.Федоров. Париж.
24 апреля 1916 г.

Г.В.Плеханов

№ 12[a]

[Париж] *24 апреля 1916 г.*

Дорогие товарищи!

Мой отпуск в Париже приходит к концу, и дней через 5 я буду снова в траншеях. К сожалению, только спустя несколько дней после моего прибытия сюда, я прочитал официальное сообщение о том, что отпуска могут быть разрешены и в другие союзные страны, смежные с Францией, и поэтому уже не мог осуществить предположенного. Благодаря заботам моих друзей, а также и Вашей дочери, я не имел ни в чем нужды и очень доволен тем, что мне удалось увидать Париж так, как я этого хотел; особенно же мне приятно, что стоявшая все время хорошая погода позволила мне посетить могилы коммунаров на Монпарнасе и у Пер-Лашеза.

Из собрания нашей парижской группы «Призыва» я вынес впечатление относительно слабости в деле отражения домогательств г[оспод] «циммервальдистов»[38]. Марк[39] думает, и я с ним согласен, что следовало бы обратиться к русским рабочим с воззванием о вреде всяких преждевременных разговоров о мире с пангерманистами, меж тем наши товарищи по группе ограничились только резолюцией формального протеста против подтасовки представительства будто бы РСДРП и ПСР на конференции в Голландии. Она уже состоялась, как говорят; туда, тоже по слухам, поехало 2—3 депутата французского парламента из Об[единенной] соц[иалистической] фр[анцузской] партии; Меренгейму[40] же не дали заграничного пропуска и он был вынужден остаться во Франции. Вы знаете, я состою членом 14-й секции Об[ъединенной] соц[иалистической] фр[анцузской] партии. Вчера я был на общем секционном собрании. Речь шла о том, что газета Эрве[41] готовит будущую политическую кампанию проповеди примирения классов, и что видный сотрудник «L'Humanite» пишет у Эрве статьи по экономическим вопросам, где силится доказать, будто техника капиталистической организации исключает всякую возможность толковать о борьбе классов. Базируется он на том обстоятельстве, что капиталисты не поедают всех своих барышей, а вкладывают большую часть прибавочной стоимости в дальнейшее развитие предприятий. У Маркса тоже есть указание на этот экономический факт. Но ведь это не меняет сути дела, так как организация производства за спиной производителей не может оправдать себя перед миром развивающихся производительных сил, и речь идет вовсе не о том только, чтобы рабочие силы [были] хорошо накормлены, но о замене этой устарелой надстройки иной, способной обеспечить *всему* человечеству безбедное существование.

В развивающейся дискуссии т[оварищи] французы показали себя большими патриотами борьбы классов, но слабыми знатоками полити-

---

[a] Конверт не сохранился.

ческой экономии, хотя тов. Северак[42] сказал, что в проповеди Лизиса, сотрудника Эрве, проглядывает сознание буржуазии перед вырастающими запросами произв[одительных] сил. Мне было очень приятно видеть людей, умеющих сочетать дело самообороны с борьбой классов. До этого один русский старичок – член секции, сказал мне, что французы как-то мягко относятся к «циммервальдизму», и я счел за благо перед закрытием собрания попросить слова. Я сказал, что сущая неправда, будто рабочие, пойдя в траншеи, отказались от борьбы классов: они борются там с теми своими немецкими товар[ищами], кои под влиянием проповеди прекращения классовой борьбы на своей родине пошли за реформистами a la Lysis и вступили на путь, ничего общего не имеющий с верной дорогой социалистов. Желая укрепить в тов[арищах] французах [эту] мысль, я сказал, что это крайне ярко подчеркивается тем, это когда[-то] Маркс писал Энгельсу: «Первый крик великой социалистической революции будет произнесен галльским петухом», и я просил их быть в этом деле столь же внимательными и чуткими, сколь зорко высматривают их братья движения пангерманистов в передовых траншеях.

Одного мне не удалось сделать в этот мой отпуск: достать и прочесть оба тома труда Георгия Валентиновича о развитии русской общественной мысли. Но это я устрою после: из траншеи напишу, чтобы мне это выслали.

Здесь я оставляю свою фотографию: ее должны переслать Вам[43].

Как будете писать Вашей дочери, так напишите, что я очень благодарю ее за заботы обо мне; я и сам напишу, как отрою ее адрес в моих записных книжках: он куда-то исчез, а спросить у Ольги Любимовой[44] я не удосужился. Читали ли Вы о смерти еще одного из нас – Яковлева? Это было в «L'Humanite´». Здесь я встретил Онипко, Гростэна, Экка и Сапожкова-Кузнецова, который был моим капралом и скоро будет опять вместе со мной; он был ранен в Шампани в октябре прошлого года и все время был в тылу, видел еще Юрия Марковича и несколько других наших бывших т[оварищей] по волонтерской группе.

Будьте здоровы, дорогие товарищи, и пишите время от времени, когда будет свободная минутка, парочку строк, я же постараюсь писать из траншей.

Крепко, крепко жму Ваши руки.

М.Федоров

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.25. Л. 1–2.

№ 13[а]

20 мая 1916 г.

Дорогие товарищи,

что-то у меня становится смутно на душе от происходящего вокруг «Призыва» и в нем самом... По своей манере преувеличивать, я даже

[а] Адресовано Р.М.Плехановой. Написано химическим карандашом на закрытой почтовой открытке. Верхняя часть документа оторвана.

подумал следующее: идеи «Призыва» крайне неприятны части русских реакционеров, дружественных Германии и во время войны с ней, так не могут ли они принять деликатные меры для ослабления антипангерманского духа в «Призыве»?

По крайней мере, я недоволен тем, что дух нерешительности и даже бездеятельной мнительности не скрывает своей противной рожи в среде группирующихся вокруг «Призыва» в Париже. Да и Марк меня прямо удивил на собрании групп: не возражая против узурпации представителей на 2-й конференции циммервальдистов[45] и опубликованной в «L'Humanite´», он сказал приблизительно следующее: «Не судите слишком категорически о настроении русского пр[олетариа]та, так как есть в России много (он с особым ударением добавил «и очень много») рабочих, которым мысль о переговорах с немцами вовсе не чужда. Они и против самообороны не стоят, и переговоров не чуждаются». Я счел нужным поспорить с ним и в ответ сказал, что в данном случае объективные условия русского пр[олетариа]та заставляют его обороняться, и чем энергичнее будет эта самооборона, тем лучше для него. В начале среди русских рабочих было больше колебаний, чем теперь, следовательно, если рассматривать вещи в их развитии, то надо сказать, что и сознательно рабочие становятся на нашу, а не на циммервальдскую точку зрения, и не будет никакой лжи заявить об этом печатно. Во время переговоров, добавил я, прекращают обороняться. Поэтому переговоры вредны, пока враг *на деле* не вышел из состояния нападающего!

Господи, но разве он обнаружил хоть малейшую попытку выйти из этого положения!!! Каждую ночь, каждый день громит он слева от меня несчастную область Вердена, и каждый почти день усиливается добраться до новых ф[ранцузски]х областей. И Марк не принял участия в голосовании Даже перестал мне высылать сюда «Призыв»! Уж не обиделся ли? В частном разговоре он сказал, что считает эту резолюция *недостаточным* протестом, но ведь когда нет достаточного, поневоле имеют недостаточное! Однако иметь-то надо.

Будьте здоровы.

Я уж писал Вам из Парижа.

Здесь, у нас, пока смирно. Скоро получу крест.

Будьте здоровы.

Михаил

РПБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.26. Л. 1.

№ 14[а]

22 мая 1916 г.

С удовольствие перечитываю обе статьи Георгия Валентиновича в 33-м № «Призыва»[46].

[а] Адресовано Г.В. и Р.М. Плехановым. Написано химическим карандашом на закрытой почтовой открытке. На лицевой стороне документа рукой автора написано и зачеркнуто «Militaire. М-г Lubimoff. 7. Напутал!».

Но с неудовольствием вижу, что редакция что-то неодобрительное хотела сказать по поводу визита Тома в Царское Село[47]. Впрочем, если она имела в виду только Николая II-го, визит к которому, вероятно, и для самого Тома был неприятнее таракана в стакане русского чаю, то мое неудовольствие было бы условным: те действия царя, кои направлены против Вильгельма и султана, я одобряю, хоть и знаю, что из двух душ, живущих теперь в груди Николая II-го, более родственна его натуре та, что постоянно стремится соединиться с другой, Гогенцоллернов, и, зная это, я – против поступков царя, одушевленных этим стремлением. Если бы речь у редакции шла об этих именно поступках, то я думал бы только о своевременности подобной речи, но я боюсь, что редакция хотела затронуть и Тома, которого трогать в этом случае, по-моему, *нельзя никак*: он очень хорошо сделал, приехав в Россию. А всякому известно, что Царское Село он миновать не мог. Да ведь он и оставался там крайне короткий срок и очень скоро выехал на заводы Питера, Москвы, Тулы и др[угих] г[ородов], где он больше времени отдал на визиты тем, кто очень не любит царя, так что в общей сложности, Тома нанес визит не столько старой, сколько новой России. Как же мне не радоваться этому. Великий социалист, которого втайне боятся *все* деспоты Европы, начиная с Вильгельма II-го и кончая Пуанкаре, *первый настоящий социалист у власти,* – первый, если не считать Коммуны 71-го года, власть которой была весьма слаба, – а не политический каторжник, «лишенный всех прав и состояния», будет стоять перед моими земляками и говорить с ними. А ведь они не олухи царя небесного и сумеют сделать из этого выводы о преимуществах республики над монархией не в пользу все того же царя Николая II-го.

Нет и нет! Я очень не понимаю редакции «Призыва», если она... и т.д. – и надеюсь, что оба Вы, товарищи, разделите скорее мою радость, чем гнев Алексинского.

Вчера мне Марк прислал письмо и «Призыв». Я очень доволен его добрым отношением ко мне, так как и я его уважаю!

Будьте здоровы!

Михаил

Дела здесь обещают быть серьезными. Немцы не унимаются. В Париже я видел Сапожкова-Кузнецова, моего бывшего капрала, раненого еще в Шампани. Он выздоровел и просится опять на фронт. Здесь скучно, хоть и хорошо в лесу; газет совершенно нет, и не знаешь, что происходит, только спустя 10–15 дней узнаешь о событиях.

Желаю всего лучшего и особенно – здоровья.

Михаил

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.27. Л. 1.

№ 15[а]

29 мая 1916 г.

Дошло ли до Вас парижское письмо? Колец, что я хотел послать Вам, дома я не нашел: несмотря на строгий приказ беречь их, домашние нашли им употребление.

Статья Реноделя[48] «Hommage»[б] по поводу Либкнехта[49] мне понравилась, только чего они так усиленно кадят праху Жореса? Меж тем и Марк, и др[угие] товарищи горько плакались на то, что слишком мало внимания уделяют французы тому, что происходит в среде русских рабочих. Это – промах со стороны французов: слабая осведомленность о русском рабочем движении обусловливает неизбежное для них преувеличенное представление о прогрессивном значении царского пр[авительств]а. Мне самому очень часто приходится слышать от простых фр[анцузских] рабочих о том, что царь весьма уважаем русским народом, и что идея монархии представляет собою как бы неотделимую от духа русского народа субстанцию. На присутствие таких мнений в головах фр[анцузских] рабочих очень надо нашим фра[нцузским] т[оварищам] обратить внимание, и с этой стороны я не могу не видеть того, что визит Тома к царю не способствует рассеянию подобных заблуждений, а, скорее, наоборот. Даже у самого Реноделя я вижу: статья «Hommage» – желание представлять себе царя в лучшем свете, нежели тот, что окружает это существо в действительности. Тот, кто захотел бы составить себе мнение о влиянии монархии в России на ход войны, получил бы слишком одностороннее освещение, т[ак] к[ак] о тормозящем действии этой организации за развитие народных сил там или совсем не говорится, или говорится недостаточно твердо и ясно. Однако, дело это идет как будто бы на поправку, и статья о 10-й годовщине Государственной Думы вводит взор читателя поглубже.

Ну, пока до свидания.

[М.Федоров]

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.28. Л. 1.

№ 16[в]

[Париж][г] *15 ноября 1916 г.*

Дорогие товарищи!

Недавно я послал Вам фотографию, к[отору]ю должны были выслать еще в апреле.

[а] Адресовано Р.М.Плехановой. Написано химическим карандашом на внутренней стороне раскладывающегося конверта. Дважды обозначена дата «29.5.16».

[б] «Обещание верности» (фр.).

[в] Конверт не сохранился.

[г] Конверт не сохранился.

Здесь среди наших товарищей готовятся идти на войну. Алексинский уже принят в auto-canon[а], а Любимов на днях подает просьбу о зачислении в артиллерию.

«Призыв» еще немного пострадает. Хотя г[оспода] «пораженцы» в нашем месте потеряли свой полемический пыл.

Они не скрывают своего цинизма и не боятся повторять то, что лжет «Echo de Paris».

Даже моя жена, ч[елове]к все-таки не заинтересованный в торжестве пораженцев, и та высказывает мнение о том, что «война надолго отдалила наступление социализма», и тот факт, что современные не пр[олетарск]ие правительства войной вынуждены вводить меры, становящиеся в число благоприятных условий, вроде, н[априме]р, la levee en masse[б], вроде обязательности труда для всех людей, даже это не оживляет сердца г[оспод] пораженцев. Так доконало их последнее их грехопадение.

По поводу швейцарских говорят, что те предпочитают действовать в тени и полемику отставили. Значит, и нам нужно действовать энергичнее, значит, Алексинский и Любимов хорошо делают. Только «Призыв» хотелось бы сохранить хоть еще на короткий срок. Жаль, что они мало уделяют времени собиранию материалов о волонтерах и мало освещают этот пункт! Особенно для нас, русских, было бы важно еще и еще раз подчеркнуть французам, что, несмотря на переговоры «официальных» людей о сепаратном мире, голос русского народа устами нашими говорит: «Я с Францией до конца, т.е. до разгрома германского милитаризма».

В частных разговорах я всегда говорю об этом с солдатами и всегда уверяю их в желании русских побить юнкеров Германии. Быть может, эта необходимость удерживает меня от ухода на Б[алка]ны[50], куда я все чаще начинаю смотреть.

На днях я узнал, что там русские волонтеры тоже вступили в бой. Говорят и пишут о смерти 2-х и о поранении 3-х. Всех их я знал по легиону.

Будьте здоровы!

Горячо жму Вам обоим руки.

Здесь я en conge´ de convalescence[в] и скоро опять пойду «туда».

М.Федоров

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.29. Л. 1–2.

[а] Самоходное орудие (фр.).

[б] Ополчение (фр.).

[в] Отпуск для поправки здоровья (фр.).

№ 17[a]

[Париж] *15 декабря 1916 г.*

Дорогие Георгий Валентинович и Розалия Марковна!

Не мог ответить Вам вовремя, и это мне было досадно.

К сожалению, я не уверен в том, что все мои письма доходят до Вас, и потому к лени, к недостатку порой времени прибавляется еще и этот недостаток уверенности, и пишешь мало.

Мне жаль, что Вашей надежды на мое здоровье я не могу оправдать целиком: меня не перестают осаждать разные болячки, действительные и воображаемые. Теперь мне вырезали слепую кишку, к[отора]я, кажется, была совсем невинной. Поделом: не привередничай! Однако, в общем, здоровье мое отнюдь нельзя назвать расшатанным, и при доброй воле я еще сумею постоять на своем месте, лишь бы попасть на него. Бодрости я, конечно, не теряю, да только весьма хотел бы ее в дело претворить. Писал я Вам, кажется, что в последнее время своего пребывания на фронте мне пришлось туго и со стороны сил природы, и со стороны других факторов. В результате, нервы не выдержали, и я захворал. Теперь поправляюсь и скоро встану.

Все общественные новости Вы, конечно, знаете, т.е. те, что могут Вас интересовать. А здесь, в Париже?.. К сожалению, Геду и Самба пришлось выйти из состава министерства. Я думаю, что этому акту никоим образом не следовало бы придавать такой формы, которая могла бы дать понять, что нашими французскими товарищами овладело отрицательное отношение к участию их товарищей в деле обороны, когда враг находится в стране. Но что поделаешь со слабостью людской! Много народу, действительно, устало; особливо те, кого война и убивает и разоряет, те же, кому нечего терять, кроме своих цепей, будут, конечно, доводить дело до конца. А вообще: «Москва слезам не верит», и от необходимости не отбояриться, если не хочешь исчезнуть с лица земли окончательно.

Здесь мне удалось побывать на собрании 3-х секций «меньшинства». Разводят они большей частью простую словесность и берут «на хрипок» (басом), обзывая Геда адъютантом г-на Бриана[51], и пр. Кроме того, и порой по повадке, пахнет провокацией на эксцессы, дабы выдвинуть на сцену «шпагу». У тех из них, кто еще не совсем стыд потерял, не остается другого прибежища, как только вопиять «через голову враждующих» к немецким братьям-каинам: «Голубчики, не ешьте нас!»[52]. Но это — совсем не прибежище. Если В.Адлер[53] так дорого заплатил за равнодушное отношение к теории своего прежнего учения, то и здесь я мало, очень мало, видел и вижу наклонности аппелировать в трудные минуты к помощи этой теории. Пробавляются люди все больше всякой всячинкой, хотя французы очень склонны к диалектике в известных узких рамках. Но нелюбовь к теории все же обойдется дорого.

Теперь я читаю первый том «Истории русской общественной мысли»[54], чего я давно и тщетно добивался. Благодаря приведенным там

---

[a] Конверт не сохранился.

доказательствам, рассеиваются в моей голове досадные остатки взглядов прежних лет. Здесь я постараюсь прочесть оба тома.

Недавно получил я письмо от одного товарища с фронта. Он представляет собой большую редкость: в траншеях с начала войны и ни разу не был ни болен, ни ранен. Пишет, что нервы издергались вконец, что приходится очень трудно. Видно, что человек устал на самом деле, а не «во мнении своем», как многие лоботрясы парижские. И это — недостаток: следовало бы таких людей отправлять на несколько месяцев назад, заменяя теми, кто и одного месяца не пробыл в траншеях.

Будьте здоровы, дорогие товарищи, желаю Вам от всей души бодрости и сил.

Горячо жму Ваши руки.

М.Федоров

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В. 432.30. Л. 1–2.

№ 18[a]

[Париж] *2 мая 1917 г.*

Дорогой товарищ Георгий Валентинович!

Вам Осберг послал телеграмму, в которой просит Вашего содействия [в] отправке волонтеров в Россию.

Гростэн сообщил мне об этом только дня 3 тому назад, когда я приехал в отпуск. К сожалению, сам Озберг неактивен, Гростэн находится под влиянием других, а мы — на фронте и, значит, набирается для поездки в первую голову всякая дрянь. Даже знаменитые пораженцы — есть такие и среди волонтеров — сумели первыми при помощи Brison´a приласкаться к Bracke, к[оторы]й дружит с Painlene´, и провел к нему некоего Иголкина, никогда не бывшего на фронте, и Painlene´ им обещал даже устроить особую посылку миссией.

Увидав Bracke, я запротестовал и сейчас посылаю ему еще письмо. Озберг со мной согласен и говорит, что для *такой* отправки надо предоставить право составления списка волонтеров не пораженцам и не какой-либо посторонней организации, а тем, кто организовал нашу группу республиканцев-волонтеров. Вообразите себе, приезжает в Россию группа русских во французских мундирах, и среди них начинается раздаваться проповедь мира во что бы то ни стало, даже поражения!

Ведь эту дрянь не смущает то, что Россия имеет не царистское пр[авительст]во, они и против него восстанут, утверждая, что немецкая культура вообще выше французской. Как будто речь идет о борьбе с тем, что было и есть в Германии прогрессивного, с Гегелем[55], с ее производ[ительными] силами. Взывая к немецкой культуре, эти люди становятся на сторону наибольшего врага *всякого* прогресса, на сторону Вильгельма и К°. Разве можно их отправлять *как* волонтеров! Что бы ни

---

[a] Конверт не сохранился.

случилось, но я должен предупредить моих русских товарищей, чтобы они и к одетому во французский мундир русскому относились весьма внимательно. Сам я, быть может, и не поеду, – хотя был бы рад, – так пусть знают товарищи, с кем будут иметь дело.

Если и приедет только одна группа, составленная Иголкиным (Villonin) и Ласкиным, то *это в большинстве пораженцы*, если же удастся Озбергу добиться правильной постановки дела в министерстве, то Россия не обременится бесполезным балластом, и приедут люди приличные.

Сильно боюсь наступления немцев на России, вернее, не боюсь, а опасаюсь. Что бы там мне ни говорили о внутреннем состоянии Германии, я знаю, что сила грабительских аппетитов немецкой армии уменьшилась в совершенно незаметной степени. За время войны я научился немного «читать траншеи», как ученый читает манускрипты, музыкант – ноты. После наступления в Шампани в 1915 [году] я все же не видел у немцев траншей такой отчаянной упорной настойчивости в сохранении того, что они уже прибрали к рукам, как теперь в той же Шампани. И если они плохо умели наступать во Франции, то отступать они будут крайне медленно. Гинденбург[56], подобно загнанному волку, может броситься на Россию, разозлившись за ее отказ заключить мир, и больно еще раз укусить ее. Вы знаете, что в окончательной победе, т.е. в падении Вильгельма, я убежден, но... мне вспоминается тот, кто говорил в клубе якобинцев: «Nous avons deux guerres `a soutenir: l′une exte′rieure et l′autre inte′rieure»[а]. А есть ли в России люди с такой энергией и последовательностью, какая была у l′incorruptible[б]?

Фр[анцузск]ие товарищи очень интересуются делами России, но мораль еще не укрепилась в их головах: создание постоянного центра для согласования наших действий (и для направления их) в странах, борющихся на нашей стороне.

От всего сердца желаю Вам сил и здоровья.

М.Федоров

Повторяю, что Озберг послал Вам телеграмму за моей подписью в то время, когда я был в траншеях, и мне никто об этом даже не написал[в].

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 713. В.432.31. Л. 1–2.

Примечания

[1] Вероятно, речь идет о Викторе Зеленском, входившем в парижскую группу меньшевиков-партийцев. В августе 1914 г. вступил в отряд волонтеров.

[2] *Алексинский Г.А.* (1879–1967) – социал-демократ, член социал-демократической фракции IV Государственной думы. В годы Первой мировой войны

[а] Мы оказываемся вовлеченными в две войны, внешнюю и внутреннюю (фр.).

[б] Неподкупный (фр.). Имеется в виду М.Робеспьер.

[в] Текст этого абзаца идет по левому полю л. 1 и л.1об. по длине листа.

стал одним из единомышленников Плеханова, участвовал в издании газеты «Призыв». В декабре 1916 г. вошел в состав сотрудников газеты «Русская воля». В 1920 г. эмигрировал во Францию. В Национальном архиве Франции сохранилось письмо Г.А.Алексинского министру внутренних дел страны, в котором он предлагал план подрывной деятельности против Советской России.

[3] Герой романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы».

[4] Строфа из драмы В.Шекспира «Юлий Цезарь».

[5] *Владимиров Лев* (Владимиров М.К., Л.В., Лева, Фрэд; наст. фамилия *Шейнфинкель М.К.*) (1879–1925) – социал-демократ, большевик. В качестве представителя парижской группы большевиков-партийцев входил в состав редколлегии газеты «За партию», выходившей в 1914 г.

[6] *Озберг (Осберг)* – один из организаторов Республиканской группы волонтеров.

[7] Вероятно, имеется в виду г. Мелён (департамент Сена и Марна). В начале сентября французские войска перешли в контрнаступление по линии Париж-Верден и в ходе Марнского сражения оттеснили германские войска за реки Эну и Уазу. В дальнейшей кампании 1914 г. противники не сумели достичь значительных успехов, и с конца года до сентября 1915 г. на территории от Швейцарии до Северного моря установился позиционный фронт, где германские войска фактически держали оборону. Основные удары (военные и дипломатические) в 1915 г. Германия стремилась нанести России.

[8] Не ясно, какой документ имеется в виду. Воззваний и обращений, относящихся к этому времени, в фонде Г.В.Плеханова обнаружить не удалось. Но это могло быть и одно из не сохранившихся или ликвидированных военной цензурой заявлений русских волонтеров относительно ситуации, сложившейся в Иностранном легионе.

[9] Вот как вспоминает Л.А.Крестовская жизнь одного из отряда волонтеров, отправленных для обучения перед отправкой на фронт в Блуа: «Надо сказать, что частичная вина во всем происходившем ложится и на самих волонтеров. По приходе в Блуа, как я уже говорила, они были разделены на две категории [по состоянию здоровья, уровню образования, социальному статусу не годных к строевой службе волонтеров, а также немцев и австрийских поляков – Крестовская, С. 46–47 – публ.], из которых одна, отделенная в Halles [крытый рынок – фр.], была по преимуществу реформирована еще до ухода на фронт. Лень, пьянство, кражи, разврат, очень нечастые, но бывшие, факты дезертирства – все это вооружало французов, смешивавших всех волонтеров в своей оценке воедино. Бесконечные раздоры происходили на почве столкновений русских с австрийскими поляками, турецкими евреями и румынами. Эти последние завели довольно нечистоплотную торговлю, набирали белье из краденых у солдат пакетов и продавали за бешеные деньги. [...] Воровство стало явлением повседневным – вещи исчезали из солдатских мюзеток [провиантский мешок у солдата – фр.], карманов, с самого человека, когда он спал.

Но все это, повторяю, относится к тем, кого сами французы отделили как заведомо низший элемент, и кто в громадном большинстве случаев, не пошел на фронт» (Крестовская Л.А. Указ. соч. С. 51).

[10] Автор ссылается на *впервые* получивший огласку инцидент, который повлек за собой некоторые действия французского военного командования по оздоровлению ситуации в Иностранном легионе. Однако эти меры, будучи поспешными, а потому непродуманными и непоследовательными, не сумели предотвратить трагедии, разыгравшейся несколько месяцев спустя. Письмо

М.Федорова, раскрывающее трагические события лета–осени 1915 г., где он упоминает и об этом происшествии (без ссылки на лицо, которому документ был адресован), приведено в книге Л.А.Крестовской «Из истории русского волонтерского движения во Франции» в качестве одного из приложений (С. 131–137). См. также: Филимонова Т.И. «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение» (Из переписки А.И.Любимова и Г.В.Плеханова. 1914–1918 гг.) // Исторический архив. 1998. № 2. С. 149–168; № 3. С. 106–143. Приведем полностью текст этого письма М.Федорова:

«Вот как происходило печальное событие в батальоне 2-го Иностранного полка. Командующий состав этого полка был навербован почти весь, за самым ничтожным исключением, из старых легионеров, служивших в Марокко и др. колониях и пришедших во Францию сражаться с немцами по их желанию.

Они все являются тоже как бы волонтерами здесь на фронте, т.к. они просили быть приравненными сюда.

Но каждый из них обязан и в мирное время, а также и во время войны отбыть 5 лет в легионе.

Весьма многие из них провели куда больший срок времени в походах против непокорных арабских и других племен, в гарнизонах среди завоеванных областей.

Факт их добровольного вступления в легион до такой степени стирается их последующей службой и в их собственном представлении, что в сфере военного дела они видят как единственную, способную обеспечить целость войска силу, исключительно в принуждении.

И уже одно то обстоятельство, что этот принцип принудительности был ими противопоставлен доброй воле волонтеров, записавшихся здесь во Франции на время войны, явилось достаточным основанием, на котором возникали все трения между ними и их подчиненными. С первого же дня их прибытия из Марокко "святой союз" и его принцип были отодвинуты на второй план системой слепого подчинения и казарменного принуждения.

Принесшие свои сердца волонтеры Парижа и др. городов Франции были глубоко оскорблены, когда, подчиняясь духу слепой бездушной системы, их наставники военные стали им говорить: "ты пришел сюда по расчету личному, ты хочешь есть паек".

Были, конечно, среди нас и такие лица, которых судьба толкнула в волонтерство из-за панического страха перед завтрашним днем, когда война грозила экономическим расстройством и отсутствием заработка. Не эти люди составляли основу наших обрядов, не их дух владычествовал нашими умами. Наоборот, эти колеблющиеся подверглись большому влиянию со стороны тех, кто знал и хотел подчинять интерес личный потребности общественной. Но... влияние, принесенное легионерами из колонии, дух корысти, подкрепленный авторитетом военных, вступило в борьбу с моральным авторитетом лучшей части волонтеров и нашло себе подходящий для обработки материал среди шатких умов. Началась полоса морального испытания. В depots образовались большие группы лиц, напуганных приближающимся часом ухода туда, на новую гору величайших страданий человечества, на фронт, и они стали искать всякой возможности, чтобы реформироваться и остаться позади.

То же большинство волонтеров, которых не обескуражило влияние легионеров, и которые с радостью ушли в траншеи, даже и там продолжало жить под игом разъединения борцов на два лагеря: старых командующих легионеров и молодых волонтеров, которых на первых порах рассматривали как простое пушечное мясо.

Мы хорошо понимали, что особым доверием не можем пользоваться у французских военных властей, как сбор, происходящих из всех почти стран вплоть до турецких болгарских и немецких, что среди массы волонтеров могли быть и прямые военные шпионы, но не менее хорошо мы понимали, что против частного зла, против шпионажа неуместно употреблять меры общего характера и распространять дух недоверия даже и на тех, кто хотел умереть за Францию. А что таких было большинство среди нас, показывает последующая славная история битв иностранного легиона здесь во Франции.

Кроме того, на почве бессилия солдат в области их внутреннего управления, выросли и их соответствующие плоды; так, наиболее скандальный процесс г-на Дюкло, осужденного со своей дамой сердца за расхищение солдатской пищи, ближе всего касался именно той части, где находился Иностранный легион, и эта пара расхитителей оперировала в том городе, где находился штаб нашей дивизии. В самом же нашем полку все хозяйственные операции производились "старыми" легионерами, и волонтеров в ту область упорно не пускали, за исключением тех лиц, которые неспособны были вынести сору из избы. Никакой гласности, отчетности перед солдатами не полагалось, как это водится вообще в армии.

Находившаяся в полном неведении масса волонтеров, расстроенная к тому же и тяжестью лишений на фронте и специфическим отношением к ней ее командиров, была склонна видеть большую обиду даже в тех случаях, когда по милости какого-нибудь случайного пьяницы-артельщика приходилось пить чересчур водянистое вино или неполную порцию водки.

Но все переносилось относительно спокойно; недовольство выливалось лишь в форму заявлений, просьб, жалоб в письмах к родным, поисках возможности уйти с фронта со стороны одиночек до тех пор, пока была сильна боевая репутация старых легионеров, когда масса волонтеров продолжала смотреть на своих специфических командиров, как военных наставников, пример которых и в действительности будет очень важен в грядущих боях с немцами. И как только те, кто пришел на фронт, как воин, увидали, что в боевом отношении легионеры оставляют-таки кое-что желать, что, в особенности те из них, которые прославились пренебрежительным отношением к волонтерам, сами не много стоят как бойцы, как сейчас же стало наступать время более резких столкновений.

Не только личные обиды становились уже стимулом для этих протестов, но и, главным образом, необходимость их стала диктоваться сознанием того обстоятельства, что поставленные командирами старые солдаты не могут, быть может, к их огорчению, быстро приспособиться к условиям новой войны, не умеют уловить психологии противника, не способны вести людей и, благодаря этому, могут только ослабить силу нашего сопротивления немцам.

Мы, конечно, понимали и знали, что есть и среди командного состава легиона люди вдумчивые, талантливые и храбрые солдаты, каким был, например, наш прежний взводный Шапель, но система бездушной казармы продолжала еще свирепствовать среди нас, поддерживаемая большинством легионеров, и она мешала развитию даже и тех лучших боевых качеств, которые все-таки были у его сторонников.

Тем из нас, которые спорили с другими товарищами и говорили, что надо прощать иной раз старым легионерам, искалеченным долгой служебной лямкой, т.к. они все же хорошие борцы и храбрые солдаты, становилось все труднее улаживать споры.

К тому же большинство одной из очень влиятельных групп Парижских волонтеров было отправлено назад своим ротным командиром еще в первые месяцы траншей с отзывом о них, как о плохих недисциплинированных солдатах.

2262

Что это были за люди достаточно ясно из того, что среди них были покойные Слетов и Давыдов.

Чтобы покончить с характеристикой того состояния, в котором находились волонтеры, я упомяну еще о том, что даже испытавший суровую жизнь в Африке легионер Каковский, – русский из Одессы, – выстрелил в себя после словесного оскорбления одним офицером, а другой волонтер, сын многострадального армянского народа, дорогой Назарьян, спит навеки возле одной полуразрушенной церкви на фронте, заставив самовольно перестать биться свое много страдавшее сердце...

Ко всему привыкает человек. Попривыкли и мы к своему сидению перед К., где провели зиму с 14 на 15-ый год, только порой выстрел Назарьяна, Каковского и др. нет, нет, да и даст знать, "что в царстве датском что-то гнило" [авторская аллюзия на строфу из трагедии Шекспира «Гамлет» - публ.].

И вот весной 1915 года нам объявляют о поход. Ожили, зашевелились, заволновались, проснулись надежды: ждали увидеться лицом к лицу с врагом, а вместе с этим встряхнулись и другие чувства. Батальон "С", где я был, считался лучшим в полку. И в нем действительно было нам неплохо. Нас, русских, соединили всех в один взвод и были к нам очень внимательны; наш капитан и лейтенант Шапель жили с нами дружно. Последнего же мы прямо полюбили и всегда с глубоким уважением относились к этому другу-офицеру. Но, на беду нашу, этого друга произвели в капитаны и перевели в другой батальон, нам же прислали на его место одного, который первым же долгом заявил себя рукоприкладством.

Наконец, мы покинули надоевший нам сектор.

По прибытии в Шампань мы пробыли немного времени в траншеях. Ходили слухи, что мы пойдем в бой. Людей нашей секции заставили сделать одну разведку, во время которой были допущены ошибки и, может быть, слабость.

Капитан был готов дать отзыв о людях, как о недостаточно выдержанных солдатах, но участники разведки запротестовали, указав, что здесь имела место нераспорядительность руководителя, и, скорее, неопытность солдат, нежели их робость, т.к. они все же подошли в этой местности к немецким траншеям ближе, чем кто-либо другой. Отзыв был изменен, но обиженные поняли, что командиры, не сумевшие сделать ни хорошего подбора людей, ни правильной организации предприятия, хотели свалить вину за неудачу на плечи тех, кто и до той поры был козлом отпущения в Легионе – на волонтеров.

Вскоре нам сказали, что из Шампани нас увезут на старое место, где и оставят надолго. Для нас это было равносильно плохому отзыву. И действительно, спустя немного нас сняли из траншей и увезли. По дороге старые легионеры стали смеяться над волонтерами. Дело дошло до рукопашной, в которой победителями оказались волонтеры.

Среди нас нашлось несколько горячих и слишком глубоко почувствовавших личную обиду голов, задумавших требовать перехода из легиона в другую часть.

Действительно было тяжко и душно. В одной из деревень у фронта 11 человек сделали попытку отказаться идти в траншеи с легионерами и вызвать русского военного атташе. Все же их удалось уговорить, да и сами они, будучи хорошими товарищами, не захотели оставаться позади в то время, как полк пойдет под огонь, но часть опоздала из-за них к сбору на 15 минут.

Два дня спустя они были осуждены все на 5 лет публичных работ и были отосланы в Африку. К слову сказать, через три месяца их вернули, по их просьбе, на фронт, но на Балканах, где один из них, Владимир Блаубок (Примечание автора. Блаубок – латыш, моряк, юноша 20 лет. В Оскуаде исполнял должность куховара. 16 сентября 16 года отправился снести пищу в линии перед деревней

Петарак, в 12 верстах от Флорины. Линия была не сплошная. В промежутках между стрельбой ее можно было проходить. Траншей не было, вместо них были какие-то дырки. Блаубок сбился с пути и дошел до, по-видимому, проволочных заграждений неприятеля. Ночью началась перестрелка. Глувняк стоял часовым в petit poste [городская почта фр.]. Он стал всматриваться в темноту, прислушиваясь к выстрелам. Вдруг, прямо перед ним вырисовалась фигура, бежавшая с неприятельских линий. Глувняк выстрелил. Человек упал. Глувняк выстрелил снова; на рассвете пошел искать убитого, думая, что это был болгарин. На земле лежал убитый наповал Блаубок. Смерть, видимо, была моментальной. Это было 20 сентября 1916 г.) пал смертью героя.

В той же деревне, где их судили, находились под стражей несколько человек из батальона "F". Я помню Шапиро, так как мне пришлось быть в это время в казарме.

Заинтересованный, я спросил одного из товарищей, за что арестованы эти люди. Это был простой волонтер: "Они не хотят оставаться в траншеях, придираются к каждому слову и ссорятся с легионерами, требуя перевода в другую часть". Товарищи из батальона "F" жаловались и раньше на очень многое, на тяжелый труд, на специфическое обращение, на плохую пищу. Но в интересах истины я должен сказать, что лично я не мог бы назвать Шапиро страдающим. Да и сами другие заключенные говорили: "Нас думали наказать, но мы сидим здесь в подвале, в то время как вас немцы поливают свинцом в траншеях". Пусть будет вся правда.

После суда над 11-ю нас повезли обратно в Шампань. Казалось, что дурное впечатление о нас, как о плохих борцах, должно было рассеяться. Но, к огромному сожалению, даже близость общего врага, который, правда, сидел пока спокойно, не была достаточна для заглушения[10] волонтерских обид. По прибытии в Шампань, в одной из деревень два волонтера, Кононов и Каск, подвыпили вина и вступили в пререкания с легионерами. Начальник сторожевой службы приказал отвести этих двух в кардигардию [помещение для несения караульной службы – фр.]. Караул в деревне держался самим же батальоном "F", и среди караульных были, конечно, которые, увидав арестованных, стали протестовать и присоединились к Кононову и Каску.

Начальник караула был вынужден требовать подкрепления из роты, но и среди прибывших оказались новые протестанты: так, Адамчевский и Копадин, не желая "усмирять", бросили ружья и зашли к арестованным. Говорят, что начальник караула и прибывший из роты офицер били каблуком по голове лежавших на полу Кононова и Адамчевскаго. На приказ офицера волонтерам избивать арестованных, первые ответили таким волнением, что возникло опасение вооруженного столкновения. Тогда были вызваны жандармы. Это было в походе. Продолжая свой путь, батальон пришел в деревню Пруи, где русский взвод послал Николаева и Петрова вести переговоры с военным начальством и уладить дело, но, при этом, уступая требованию волнующихся товарищей, делегаты должны были заявить капитану, что люди хотят немедленного освобождения товарищей, наказания виновных в их истязаниях и перевода из легиона.

К сожалению, горячие головы слишком страстно добивались уйти с фронта, где был легион, и арестованные настаивали на скором ответе, что приняло характер мотивированного возмущения. Военное начальство ответило по военному: силе мятежа оно противопоставило силу оружия и изолировало 27 человек, предложив Николаеву и Петрову отделиться от тех, кто подлежал обвинению в бунте перед лицом врага, но оба они остались в этой группе. Был суд. 22-го июня 1915 года были расстреляны в 3 часа утра на ферме Lenternay Петров, Николаев, Полле, Дыкман, Брудэк, Шапиро, Эльфанд, Артамашин и Тимоксян.

Передают, что приводившие в исполнение приговор солдаты очень сильно колебались вначале, пока не было получено строжайшее подтверждение; что душевные мучения этих солдат были крайне велики и вынудили одного из них покончить самоубийством; что овладевшее волнение помешало командовавшему офицеру дать последний револьверный, в ухо, – "выстрел милости", казненным. "Мятежники" показали себя последовательными до конца. Они кричали: "Да здравствует союз Франции и России! Долой легион!" Все они умерли солдатами, и только один Шапиро позволил завязать себе глаза.

Остальные их товарищи по этому крайне печальному и не своевременному процессу, осуждены на публичные работы:

Кононов, Колодин, Кашкиян, Келиджиан, Яждриан, Эльнасиан, Клесимович, Вемборian, Сараджиан и Лифшиц – на 10 лет и на 5 лет: Каск, Киреев, Левинсон, Еффе, Гульбрузиан, Портнер и Закрутко.

Давая эти сведения, я обязан прибавить следующее. Было бы в высшей степени вредно для всякого честного русского человека думать, что наши несчастья в легионе явились результатом халатного отношения к нам французского народа. Нет, даже и в минуты страшной опасности для них, французы лучше кого-либо другого умеют быть и вдумчивы, и великодушны. Об этом знаем мы, те, кому пришлось, уйдя из легиона, жить среди французских солдат. Разговаривая с покойным Блаубоком и другими, я убеждал их относиться немного хладнокровнее к их личным обидам, когда на свете так много общего горя. "Подождите", – говорил я, – "наши обидчики осрамятся в бою и тогда нам будет легко устранить их. И те из них, у кого под твердой оболочкой солдата бьется горячее сердце, а в голове живут благородные мысли, будет самым лучшим нашим боевым товарищем, если останемся в траншеях, несмотря ни на что, и тем докажем, что мы, прежде всего, защитники Франции и свободы. Мы пришли сюда добровольно и уходить не должны не только из-за оскорблений, но и даже под угрозой смерти". И я был прав. Теперь в легионе, после целого ряда славных битв, все изменилось, теперь нет лучших друзей и в бою, и в отдыхе, как часть старых легионеров. Дух системы остался прежний, что и во всем войске, но дух войны борется с ним. Je deteste la guerre: elle gâte les armées [«Я не люблю войну, она портит армию» – фр.], – говорил один важный человек; мы же обязаны сказать иначе.

Интересы молодой России властно требуют укрепления союза с Францией, и поэтому я закончу в голос с казненными: "Да здравствует союз России и Франции!", добавив: "Да здравствует легион, много сделавший против общего врага, против германского империализма!".

Материал этот может быть употребляем для печати при одном условии: не изменять и не удалять ни одного слова.

21-го ноября 1916 года. Париж. *Михаил Федоров*».

[11] Имеется в виду статья Г.В.Плеханова «О войне. Ответ товарищу З.П.», завершенная им 27 октября (н. ст.) 1914 г. и выпущенная в виде брошюры. Подробнее о ее появлении и содержании см.: Филимонова Т.И... // Исторический архив. 1998. № 2. С.149–168; С.Г.Кара-Мурза. Г.В.Плеханов и Февральская революция (Публ. Т.И.Филимоновой) // К 75-летию Дома Плеханова. Сб. статей и публикаций. Материалы конференции. СПб., 2003. С. 207–238.

Статья Плеханова «О войне» вплоть до последних дней перед ее появлением в печати рассматривалась как «гласный» ответ одного из видных деятелей российской и международной социал-демократии болгарскому социалисту З.Петрову. Однако ей суждено было стать философским и политическим *обоснованием* борьбы тех общественных сил, которые, ясно представляя *причины* развязанной Германией и ее пособниками агрессии (и *возможные*, в случае по-

беды, *последствия*), призвали своих союзников вести войну до полной капитуляции интервентов и последующей *демилитаризации* и *демократизации* этих государств.

Брошюра появилась после событий, которые уже в первые дни войны *подтвердили шовинистический и варварский* характер действий германской армии, циничное попрание ею международного права. Акты вандализма и одичания были продемонстрированы армией народа, который устами видных деятелей национальной культуры, науки и политики заявил об *особой культурнической миссии в Европе и мире*: «...из Европы надо создать одно организованное целое. Для этого должен быть создан особый центральный орган; и таким мозгом Европы может быть только Германия, ибо она одна лишь обладает секретом организаторской культуры» // Чего ждет Германия от войны: Беседы с германскими общественными деятелями. СПб., 1915. С. 102–103.

В готовности объединиться и вести борьбу Плеханов видел проявление социальной зрелости граждан, их способности *отстаивать* свое *право* и право других людей на независимое существование от чьих бы то ни было покушений, исполнять *обязанность* каждого народа «разоблачать дипломатические интриги правительств и направлять свои усилия к тому, чтобы в международных отношениях господствовали "простые законы нравственности и права". Обрушиваться со всею силою своего мнения на правительства, в данное время нарушающие эти простые законы», преследующие «династические или империалистические цели: завоевание новых рынков, колоний и т.п.» (Плеханов Г.В. О войне. Paris, 1914. С. 14). Ссылаясь на Канта, Плеханов напоминает, что главным направлением *культурного* прогресса человечества является *сближение народов*, благодаря которому будет навсегда покончено с войнами, и народы всей планеты объединятся в мирном союзе.

В тех случаях, когда эгоистические устремления индивидов или обществ *нарушают мир*, писал Кант, обязанностью тех, чьи права оказались попранными, становится «заставить друг друга подчиняться принудительным законам и таким образом осуществить состояние мира» (Кант И. К вечному миру // Соч. М., 1966. Т. 6. С. 286).

[12] *Бебель Август* (1820–1912) – деятель германской социал-демократии, один из основателей партии, ее представитель во II Интернационале. В Доме Плеханова хранятся письма А.Бебеля Г.В.Плеханову (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 141).

[13] Здесь автор письма берет в кавычки часто употреблявшееся Г.В.Плехановым выражение (синоним понятия «историческое развитие, исторический процесс»).

[14] *Николай Николаевич (Младший)* (1856–1944) – великий князь, генерал от кавалерии, с начала Первой мировой войны и до 23 августа (5 сентября) 1915 г. являлся Верховным главнокомандующим русской армии.

[15] *Зюдекум Альберт* (1871–1944) – немецкий социал-демократ, один из лидеров партии. С 1910 по 1918 г. – депутат рейхстага. В годы Первой мировой войны занимал наиболее жесткие шовинистические позиции, отрицал виновность Германии в вопросе развязывания войны и противодействовал складывавшейся в партии оппозиции. Имя Зюдекума, как и имена двух других членов рейхстага, руководителей правого крыла немецкой социал-демократической партии, *Филиппа Шейдемана* (1865–1939) и *Георга Ледебура* (1850–1947), в годы войны употреблялось в собирательном значении, олицетворяя собой агрессивный национализм.

[16] Автор имеет в виду членов и руководство немецкой социал-демократической партии. Вопреки собственной прежней позиции, а также договоренностям, достигнутым в ходе не раз обсуждавшегося на конгрессах II Интернационала военного вопроса, немецкие социал-демократы не только поддержали агрессию, но и заявили о том, что участие в ней является патриотическим долгом германского народа.

[17] Имеется в виду *Вильгельм II (Гогенцоллерн)* (1859–1941) – германский император и король Пруссии в 1889–1918 гг.

[18] *Рапопорт Х. Л. Шарль* (1865–1940) – народоволец, социал-демократ, член Французской социалистической партии, член редакции журнала «Le Socialisme». Принимал активное участие в деятельности парижской группы партийцев. Сохранилась переписка Рапопорта и Г.В.Плеханова в архиве Международного института социальной истории и архиве Г.В.Плеханова в Доме Плеханова, которая относится к периоду 1903–1912 гг. (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 625). В годы войны Рапопорт занимал «интернационалистскую» позицию.

[19] *Жорес Жан* (1859–1914) – деятель международного социалистического движения, основатель Французской социалистической партии, организатор и редактор газеты «L'Humanite». Убит за несколько дней до начала Первой мировой войны.

[20] *Бракк* (*Александр-Мари Деруссо*, 1861–1955) – один из руководителей Французской социалистической партии, один из редакторов газеты «L'Humanite», член палаты депутатов Национального собрания Франции. В годы Первой мировой войны выступал за необходимость отражения германской агрессии.

[21] *Гед Жюль* (1845–1922) – деятель французского и международного рабочего и социалистического движения. Участник Парижской коммуны, один из основателей Французской социалистической партии, член редколлегии журнала «Le Socialisme». С началом Первой мировой войны вошел в состав правительства. Близкий друг семьи Плехановых.

[22] *Самба Марсель* (1862–1922) – один из лидеров Французской социалистической партии, с 1893 г. ее представитель в палате депутатов. В августе 1914 г. в качестве министра вошел в состав правительства национальной обороны Франции.

[23] Имеются в виду деятели Великой французской революции (1789–1794) Максимильен Робеспьер и Жан Поль Марат.

Робеспьер Максимильен Мари Изидор (1758–1794) – адвокат, президент Аррасской академии наук и искусств, один из авторов якобинской конституции 1793 г., депутат Конвента. Погиб в результате термидорианского переворота.

Марат Жан Поль (1743–1793) – ученый, публицист, один из наиболее ярких деятелей Великой французской революции, издатель и редактор газеты «Друг народа» («Газеты Французской республики»), депутат Конвента. Марат пользовался широкой популярностью народа за умение твердо отстаивать интересы его беднейших слоев. Убит противниками якобинцев.

[24] Рассказ о событиях, которые упоминает М.Федоров, дополняет приводимое ниже письмо А.Осберга Г.В. и Р.М. Плехановым от 5 января 1915 г.: «Дорогие Роза Марковна и Георгий Валентинович. Только что получил Ваше заказное письмо от 22 дек[абря] и спешу ответить. Михаил был оправдан по суду, цел и невредим, переведен в другую роту и чувствует себя теперь, кажется, недурно. Должен признаться, что была минута, когда я почти потерял надежду на благополучный исход дела. Он был обвинен в abandon du poste en presence de l' ennem'ee [покинуть пост в присутствии врага, дезертировать (фр.)], за что по

213 ст[атье] peine de mort [смертный приговор (фр.)]. И по закону никаких смягчающих обстоятельств не полагается: да или нет. Расстрел или оправдание. Когда я получил дело в качестве защитника, то в моем распоряжении было не более 24 часов, чтобы разобраться в обстановке этого дела. Не надеясь исключительно на свои силы и, желая испробовать все возможное, чтобы спасти Михаила, я послал две телеграммы. Одну Геду, другую полковнику Ознобишину (русск[ому] военному атташе). И вот сегодня как раз узнаю, что ни одна из телеграмм не была отправлена. Я еще не мог видеть то лицо, которому была поручена отправка этих телеграмм, и поэтому не знаю, почему именно они были задержаны.

Представитель правительства, обвинитель, прямо заявил мне, что дело бесспорное, и что Федоров будет расстрелян в пример прочим, так как бросил пост и был застигнут с вещами, которые похитил в одном из покинутых домов. Обвинение, по моему убеждению, несправедливое, но, увы, с внешней стороны, дело имело печальный вид, так как Михаил был действительно застигнут вблизи одного разрушенного дома, отстоящего на сто – сто пятьдесят метров от поста, и с вещами (несколько предметов из белья и т.п.) за бортом шинели. Я не буду вдаваться в подробности дела, так как это длинно и теперь не нужно, но скажу только, что, ознакомившись с делом подробно, побывав на месте происшествия, я пришел к убеждению, что Михаил не виноват в том, в чем его обвиняют; и в этом духе я вел защиту, хотя меня пугали, что такая точка совершенно недопустима и может повлечь за собой только одно – расстрел. Но я не чувствовал себя вправе признать справедливость обвинения, так как сам Михаил его не признавал, обвинения позорящего. Удалось установить на суде путем опроса его ближайших начальников (из солдат, так как ротн[ый] к[оманди]р и офицер были свидетелями обвинения), что Михаил был всегда хорошим солдатом, вызывавшимся выполнять наиболее опасные поручения, неоднократно рисковал жизнью для дела.

Не знаю точно, в силу каких причин, но в последнюю минуту Михаил был оправдан и отделался арестом с переводом в другую роту.

Можете себе представить, как мы все облегченно вздохнули, когда этот кошмар миновал.

Михаил был спасен от ужасной участи.

Некоторые утверждают, что это благодаря только мне. Но я думаю, что это неверно. Моя защита сыграла лишь второстепенную роль. Главными же причинами оправдания были, по-видимому, соображения более общего характера, которые взяли верх над несомненным желанием некоторой части офицеров «показать пример».

Дело это совпало как раз с периодом вообще резкого ухудшения в отношениях между нашей группой «республиканцев» и начальством. Тов[арищ] Лебедев, который был ранен и уехал лечиться, до известной степени сглаживал шероховатости. Хотя может недостаточно внимательно и тактично (не умышленно, конечно). И с его отъездом случаи indiscipline [недисциплинированности (фр.)] имели место одно за другим, и один коллективный. Начальство забило тревогу. Меня немедленно перевели в эту роту, чтобы действовать на моих соотечественников. Но я сразу увидел, что дело зашло уже довольно далеко. Тут два раза произошла смена командира полка. И я думаю, что не обошлось без интриги со стороны клерикальных офицеров, чтобы представить дело в более темном свете, чем оно было на самом деле. Одним словом, было решено часть русской группы отправить в дело под предлогом, что они недоучены и мало дисциплинированны. Мне кажется, что если бы французское начальство отнеслось с большим вниманием к особенностям психологии этих людей, то дело не приняло бы

этого оборота. Хотя не знаю, можно ли вменять им это в обязанность, и не вправе ли они глядеть на каждого волонтера, «республиканец» он или нет, просто как на солдата (или, вернее, как на скотину, из которой надо сделать солдата).

Во всяком случае, человек 15 осталось и, очевидно, им удалось приспособиться к обстановке и выработать из себя хороших солдат, которыми французы не нахвалятся. А я думаю, что и все бы могли быть таковыми, только при условии более внимательного отношения к ним со стороны начальства. Эти сорок два человека были действительно вскоре после дела Михаила отправлены в Орлеан. Насколько мне известно, их положение там недурное, говорят, что будто их хотели направить в Марокко, но, я думаю, там публика усиленно хлопочет, чтобы избежать этой участи.

Мое положение лично оставляет желать лучшего. Вот уже два месяца, как я на фронте, командования до сих пор не получил, хотя лишения и опасности делю со всеми. Правда, закон, в этом случае, не за меня. Всякий французский капрал имеет преимущество передо иной, и я все время лишний. Но все-таки они могли бы быть любезнее к офицеру союзной армии и дать мне то или другое emploi [работу, должность (фр.)].

Брошюру Георгия Валентиновича мы здесь имеем. Читали также и отчет о Лозаннском реферате. Привет товарищам передам. Из наших здесь теперь: Ми[хаил] Федоров, Виктор (случайно остался, т[ак] к[ак] был в госпитале во время этой истории и потом вернулся) и я. Потом есть несколько с[оциалистов]-р[еволюционеров].

Потери убитыми: Попов (он же Антонов, против которого сражался Алексинский), Богушко (его Вы не знали), Крикун (наш Аркадий) Корицкий пропал без вести, Онипко – тяжело ранен и еще несколько раненых, в общем – 10 человек (из них 4 убито).

Мой адрес следующий:

Mr. le capitain Osberg,

2 regiment etranger

B[atalli]on D (en campagne)

Secteur postal № 6.

Насчет жизни в траншеях скажу одно: временами ничего, но временами скверно, и чем дальше, тем хуже.

На этом заканчиваю письмо с пожеланием всего лучшего и в надежде на лучшие дни. А.Osberg» (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 576. В. 314. Л. 1–3).

Под Лозаннскими рефератами А.Осберг имеет в виду выступления 28 сентября (11 октября) 1914 г. в Лозанне Г.В.Плеханова с докладом «Об отношении социалистов к войне» и В.И.Ленина, который принял участие в прениях. Изложение доклада Плеханова и речи Ленина были опубликованы корреспондентом газеты «Голос» (№№ 31–33, 18, 20, 21 октября 1914 г.), подписавшимся инициалами И.К. (Иван Киселев?). См. также: Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 24–32; Ленинский сборник. Т. XIV. С. 124–131; Кентавр. 1992. Сентябрь – октябрь. С. 143–158.

Газета «Голос» («Наш голос») – орган меньшевиков-интернационалистов, выходил под редакцией Мартова в 1914 – 1915 гг. в Париже.

Онипко Федот – депутат I Государственной думы. Один из волонтеров «Республиканского отряда».

Мартов (*Цедербаум Ю.О.*) (1873–1923) – участник российского революционного движения, с 1903 г. один из лидеров меньшевизма.

[25] Публичные выступления Плеханова в Париже и Лозанне, его интервью влиятельным газетам и журналам, появление брошюры «О войне» вызвали бурю

возмущения среди тех, кто требовал немедленной ликвидации войны. Сторонники В.И.Ленина призвали международный пролетариат превратить войну империалистическую в гражданскую с целью социалистического переустройства мира. С критикой «шовинистической» позиции Плеханова выступили видные деятели РСДРП: В.И.Ленин, А.В.Луначарский, Н.Н.Суханов, Ф.И.Дан и целый ряд других. Первые статьи Мартова, направленные против Плеханова и его единомышленников, с которыми мог быть знаком Федоров, появились в газете «Голос» в октябре–ноябре 1914 г.: «А Маркса оставьте в покое!», «Война и Плеханов», «К позиции английских социалистов», «Срывают!» и др.

[26] *Бурьянов А.Ф.* (1880–?) – социал-демократ, депутат IV Государственной думы от Таврической губернии. Весной 1914 г., стремясь содействовать укреплению думской социал-демократической фракции, разделенной на меньшевиков и большевиков, вышел из состава первой, позволив, таким образом, их уравнять численно. Парижская группа меньшевиков-партийцев, Г.В.Плеханов оказывали содействие и помощь А.Ф.Бурьянову в его деятельности в Думе.

М.Федоров имеет в виду приводимое ниже письмо Г.В.Плеханова А.Ф.Бурьянову от 21 июля (нового стиля) 1915 г. (РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 21. Л. 1–2. См. также: Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996. С. 375):

«Дорогой товарищ Бурьянов.

Пишу Вам это письмо, не будучи уверен в том, что оно застанет Вас в Петербурге. Если не застанет, то я надеюсь, что его Вам перешлют.

Дело вот в чем.

Приближается созыв Госуд[арственной] Думы. Обстоятельства, при которых она будет созвана, не только исключительные, но прямо *критические*! Можно прямо сказать, что наша русская земля не была в таком опасном положении со времени Смуты начала семнадцатого века. Она должна напрячь все свои силы для своей самозащиты, и было бы крайне печально, если бы наши единомышленники помешали делу самообороны русского народа каким-нибудь необдуманным шагом. Если Германии удастся накинуть аркан на шею России, то от этого прежде всего пострадает русский пролетариат и вообще вся русская трудящаяся масса. Ввиду этого, становится совершенно ясным, что Вы и Ваши товарищи, социал-демократические депутаты в Гос[ударственной] Думе, просто-напросто не можете голосовать *против* военных кредитов. Сделайте свои оговорки, – они необходимы – но *голосуйте за кредиты*. Голосование *против* кредитов было бы *изменой* (*по отношению к народу*), а *воздержание* от голосования было бы *трусостью*; голосуйте – *за*! Прочтите это письмо мое тов. Чхеидзе и скажите ему, что я заклинаю его всем для него святым отнестись внимательно к этому моему письму.

Я слышал, он собирается вступить или уже вступил в комитет содействия обороне. Если это правда, то скажите ему, что я горячо приветствую этот шаг и, в таком случае, Вам я тоже советую последовать примеру Чхеидзе. Простите, что я даю этот совет, когда Вы не просите у меня *никаких* советов. Ну, да ведь время теперь исключительное. Помните, дорогой товарищ, что в настоящее время *нельзя* быть *против* народной самообороны. Надеюсь, что вы напишете мне: "Мы это и без вас знаем". Как я буду рад, получив от вас такой окрик! Он докажет мне, что мои товарищи поняли современное положение. Прошу Вас, если Вы согласны со мною, то, переговорив с товарищами-депутатами, телеграфируйте мне «Soyez tranquille!» (Будьте покойны! – фр.).

Может, французские слова неразборчивы. Пишу еще раз: «Soyez tranquille!».

Жму руку. Ваш Г.Плеханов».

[27] Сообщение о смерти социал-демократа Михаила Давидашвили (Давыдова) было опубликовано в №№ 28 и 31 газеты «Призыв»: К.Кахели «Памяти товарища Михаила Давидашвили» и А.Р. «В венок товарищу».

[28] А.Р. воспроизводит отрывки из письма, полученного им от товарища с фронта: «Все последнее время Михаил был сильно болен [в 1909, находясь на подпольной работе в Москве, он был арестован, но спустя полтора года освобожден по болезни: в тюрьме Михаил заболел туберкулезом. – Публ.], но перемогался. В особенности он старался подавить свою болезнь, когда бывал на первой линии В этом часто делалась особенно заметной его сила воли и характер. Сейчас я вспоминаю его во время работ на укреплениях несколько дней тому назад. От сильного кашля он проводил ночи почти без сна и мало ел, да к тому же еще вообще сказывались его неумение и непривычка работать киркой и лопатой, но заставлял себя работать столько, сколько требуется от здоровых. Помню его, как он в последний раз 6 марта утром поднимался в линию совсем больной и усталый, и не видно было в нем ни возбуждения, ни подъема – того, что иной раз делает людей безответно смелыми. Он был спокоен, шел туда для намеченной уже контратаки, шел, зная, на что идет, потому что это было нужно, потому что это было его долгом, который он добровольно взял на себя. На лице его были только усталость и утомление. Видно было, что он сильно болен. Однако это все не помешало ему, когда он пришел на пост, осыпаемый немецкими пулями и гранатами, быть более подвижным и энергичным, чем многие здоровые, и исключительно смелым. Взрыв ручной немецкой гранаты раздробил ему ружье. Он взял другое и продолжал свое дело. Затем, добровольно перейдя на другой, более опасный пост, стал оттуда метать гранаты. К вечеру, когда сопротивление немцев, занявших минные воронки, стало уменьшаться, и когда, наконец, они прекратили метание гранат, Михаил говорил, что нежелание французов в данный момент взять эти воронки, – излишняя предосторожность Михаил выходит один и, продолжая метать гранаты, приближается к немецкому посту на расстояние каких-нибудь трех метров. Но оттуда раздается ружейный выстрел, и он падает мертвый, с пробитой головой».

[29] *Кромвель Оливер* (1599–1658) – деятель Английской буржуазной революции XVII века, искусный политик в выборе сил, способных привести к желаемым результатам, правитель, жестоко расправлявшийся с теми, включая прежних союзников, кто вставал на пути к достижению поставленных целей. В 1653 г. становится лордом-протектором Англии, Шотландии и Ирландии, фактически обеспечив себе полноту власти в стране.

Федоров, противопоставляя Кромвелю Робеспьера, хотел, видимо, подчеркнуть, что действия последнего страдали двойственностью, что великий революционер не сумел предпринять необходимых мер для пресечения контрреволюции, наконец, для сохранения собственной жизни, отдавая предпочтение оружию критики там, где должно было употребить критику оружием.

[30] Статья под этим названием была опубликована в № 28 «Призыва» от 8 апреля 1916 г. Она посвящена анализу думской речи Н.С.Чхеидзе 10 февраля 1916 г., в которой он заявил о необходимости заключения мира без аннексий и контрибуции, без каких-либо насильственных экономических присоединений. Депутатом было заявлено, что «самоопределение народов должно быть непоколебимо основано на новых социальных отношениях». Плеханов подробно останавливается на каждом из высказанных предложений и показывает, что ни одно из них не имеет под собой реальных оснований: война в этот период велась на *завоеванных* германской армией территориях. И все вопросы, связанные с за-

ключением мира, в этот период оборачивались выгодой для агрессоров, но поражением для *жертв агрессии.*

Чхеидзе Н.С. (1864–1926) – один из лидеров меньшевистского крыла РСДРП, депутат Государственной думы III и IV созывов. Входил в состав Временного комитета Госдумы, председатель Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (1917 г.); председатель Учредительного собрания Грузии. В 1921 г. эмигрировал во Францию.

[31] 10–15 сентября 1915 г. в Женеве состоялось совместное совещание членов РСДРП и партии социалистов-революционеров, политэмигрантов, проживавших в Швейцарии и Франции, для обсуждения вопроса об организации совместного печатного органа с целью объединения разрозненных политических течений и групп за границей, оказания моральной поддержки народам России и Европы в борьбе за освобождение и мир. Таким печатным органом стала газета «Призыв», выходившая в Париже в 1915–1917 гг.

[32] Статья, по-видимому, была либо изъята военной цензурой и не получена редакцией, либо, по каким-то причинам, опубликована не была.

Поливанов А.А. (1855–1920) – генерал от инфантерии, в 1915–1916 гг. военный министр.

[33] Василий Буслаев – былинный герой, символ новгородской вольницы.

[34] *Пуанкаре Раймон* (1860–1934) – французский политический и государственный деятель, юрист по образованию, член Французской академии наук, в 1887–1929 гг. являлся депутатом парламента, занимал важные государственные посты. В годы Первой мировой войны – президент Французской республики.

[35] *Аттила* (Эцель, по прозвищу «Бич божий») (? – 453) – царь гуннов. Прославился тем, что сумел завоевать обширные территории от Мизии, Фракии на Востоке, до Трира, Меца и Арраса на Западе; дошел до Константинополя, овладел целым рядом итальянских территорий, обложив данью покоренные страны и получив выкуп с других в ответ на обещание не подвергать их нападению.

[36] *Тома Альбер* (1872–1932) – французский историк, политический и государственный деятель, депутат Ассамблеи от социалистической партии. После объявления Германией войны Франции вошел, наряду с другими социалистами, в состав правительства. В 1916 г. в качестве члена правительственной делегации посетил Россию. После Февральской революции, в апреле 1917 г., вторично посетил нашу страну и оставался до июня.

[37] *Фейербах Людвиг* (1804–1872) – немецкий философ.

[38] «Циммервальдцы» – участники и сторонники международной конференции социалистов, проходившей в сентябре 1915 г. в деревне Циммервальд Бернского кантона в Швейцарии. Последующие съезды сторонников циммервальдского движения состоялись в швейцарской деревне Кинталь (апрель 1916 г.), и третья, последняя, в Стокгольме (сентябрь 1917 г.). По воспоминаниям одного из организаторов и наиболее активных деятелей этого движения А.И.Балабановой, встреча в Циммервальде была первым оформленным съездом революционных противников войны. К ним относились социалисты и представители профессионального движения, оставшихся, как они заявляли, «верными идеалу Интернационала», не вступивших в перемирие с буржуазией своих стран и считавшими недопустимым голосовать за предоставление военных кредитов на ведение войны.

По итогам совещания был принят Манифест, в котором виновниками войны объявлялись правительства всех стран, втянутых в конфликт, и содержалось требование немедленного заключения мира без аннексий и контрибуции, при-

знавалось право наций на самоопределение. Принятый документ, несмотря на тот факт, что он фактически стирал грань между агрессией и обороной, внушал мысль о безнаказанности тех, кто эту войну развязал, призван был, по замыслу его авторов, донести мысль о том, что интересы пролетариев всех стран, по-прежнему, даже в условиях войны, оставались общими. Обратившись к воюющим с обеих сторон пролетариям с воззванием, подписавшие этот Манифест участники совещания не указали путей достижения этих целей.

Идейная неоднородность состава участников сделала неизбежным их размежевание, следствием чего стало появление «Циммервальдской левой» во главе с Лениным. Принятая «левыми» резолюция призвала солдат противоборствующих армий к братанию, превращению империалистической войны в гражданскую с целью установления нового социального строя.

По оценке А.И.Балабановой, несмотря «на скромность достигнутых им конкретных результатов, Циммервальдское движение имело большое влияние: своим возникновением, своим освещением различных фаз войны, своим протестом против занятой Интернационалом, отдельными его партиями, и членами партий позиций, оно указывало на то, каким пролетарский Интернационал *не мог и не должен быть*, наряду с обоснованием и распространением отрицательного отношения к войне, наряду с изобличением ее характера, Циммервальдцы начали вырабатывать программу положительную: способ борьбы против войны, способ восстановления Интернационала» (Балабанова А.И. Из личных воспоминаний циммервальдца. М.–Л., 1925. С. 76).

[39] Имеется в виду *Любимов А.И.* (Валериан, Летнев, Марк, Зомер, З-р) (1879–1919) – участник революционного движения, один из организаторов московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и Воронежского комитета РСДРП; с 1904 г. – член ЦК РСДРП (большевиков), секретарь зарубежного бюро ЦК РСДРП, член редакции газеты «Пролетарий». В 1911 г. выходит из руководящих органов большевистской фракции и начинает работу по объединению разрозненных партийных групп с целью воссоздания единой организации. Тогда же постепенно складываются дружеские отношения Любимова и Плеханова. Общность взглядов и позиций в вопросе о войне сделали возможным издание газеты «Призыв», членом редколлегии которой он был. Большую помощь А.И.Любимов оказывал Георгию Валентиновичу в работе над «Историей русской общественной мысли», занимаясь поиском необходимых книг. Подробнее см.: Филимонова Т.И. «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение» (Из переписки А.И.Любимова и Г.В.Плеханова. 1914–1918 гг.) // Исторический архив. 1998. № 2. С. 149–168; № 3. С. 106–149.

[40] Вероятно, М.Федоров имеет в виду *Мергейма Альфонса* (1881–1925) – французский профсоюзный деятель, один из руководителей Всеобщей конфедерации профсоюзов Франции. В начале войны выступал за ее скорейшее прекращение. Участвовал в работе Циммервальдской конференции.

[41] *Эрве Гюстав* (1871–1944) – французский социалист-анархист. С 1906 г. издавал газету «La Guerre Sociale». На Штутгартском (1907) конгрессе II Интернационала в качестве меры противодействия пролетариата в случае начала войны предлагал организовать всеобщую стачку. Позиция Эрве, уравнивавшая в ответственности страну-агрессора и страну, обязанную защищаться от нападения, была подвергнута участниками конгресса критике как несостоятельная и отклонена. В годы Первой мировой войны Эрве, несмотря на то, что поддержал идею обороны Франции, тем не менее, находился среди той группы французских со-

циалистов, которая постоянно инициировала обсуждение вопроса о заключении мира и прекращении войны.

[42] *Северак Жак* – французский социалист, член редколлегии «Призыва».

[43] Эта фотография с дарственной надписью «[Гео]ргию Валентиновичу и [Ро]залии Марковне Плехановым. Михаил Федор[ов]. Париж, 24 апреля 19[16 года]» сохранилась в архиве Г.В.Плеханова (Ф. 1093. Оп. VI. Ед. хр. 532). Заключенные в квадратные скобки части слов обрезаны.

[44] Имеется в виду жена Алексея Ивановича Любимова; неоднократно по просьбе Георгия Валентиновича она работала в Национальной библиотеке в Париже, делая для него необходимые выписки, оказывая помощь в работе над книгой «История русской общественной мысли».

[45] Российскую социал-демократическую рабочую партию в Кинтале представляли две из ее многочисленных фракций, стоявшие на позициях «интернационализма», которые объединились вокруг двух органов: «Социал-демократ» (большевики во главе с В.И.Лениным) и «Голос» («Наш голос») (меньшевики-интернационалисты во главе с П.Б.Аксельродом и Ю.О.Мартовым). Мандата на выступление от имени всей РСДРП они не имели.

[46] В № 33 «Призыва» опубликованы статьи Г.В.Плеханова «Англо-ирландская драма» и «Австрийские социал-демократы о международном братстве рабочих».

[47] На редакционной полосе «Призыва» от 13 мая 1916 г. был опубликован фрагмент из изъятого военной цензурой открытого письма «Альбер Тома в Царском Селе». Со ссылкой на французскую печать, в нем сообщалось о посещении русского царя правительственной делегацией Франции, в состав которой в качестве товарища военного министра, отвечающего за снабжение армии, входил и социалист А.Тома. В Доме Плеханова сохранилась корректура письма, где говорится о том, сам факт пожатия социалистом руки царя, деятельность которого внутри страны и за рубежом напоминает «худшие времена инквизиции», может иметь отрицательные политические и моральные последствия.

[48] *Ренодель Пьер* (1871–1935) – французский социалист, в годы Первой мировой войны являлся директором журнала «L'Humanite». Депутат Национальной ассамблеи Франции в 1915–1919 и 1924–1935 гг. Статья была посвящена аресту Карла Либкнехта, образовавшего к тому времени в социал-демократической партии Германии и рейхстаге оппозиционную группу. Во время дебатов и голосования по вопросу о военных кредитах, Либкнехт был первым депутатом, проголосовавшим против предоставления средств на ведение войны. Спустя некоторое время его арестовали, несмотря на статус депутатской неприкосновенности, предъявив формальное обвинение в участии в первомайской демонстрации.

[49] *Либкнехт Карл* (1871–1919) – деятель германского и международного социалистического движения, один из основателей (1918) Компартии Германии.

[50] В оригинале документа автором указываются лишь три буквы: «Б» и слог «ны». Вероятнее всего, речь идет о Балканах. После вступления в войну Румынии в качестве союзника Антанты в августе 1916 г. до конца года на полуострове союзниками велись активные боевые действия против Германии, в которых, наряду с англо-французским экспедиционным корпусом, в составе которого воевали и русские волонтеры, участвовала русская и румынская армии.

[51] М.Федоров имеет в виду оскорбительные намеки, которые делались в адрес Жюля Геда (с началом войны вошедшего в состав правительства в качестве помощника министра), как предателя интересов пролетариата.

Бриан Аристид (1862–1932) – французский государственный деятель, с 1902 г. входил в состав парламента и правительства (с 1906 г.). В период Первой мировой войны, с 1915 по 1917 г., являлся премьер-министром республики, одновременно исполнял обязанности министра иностранных дел.

[52] В уже упоминавшейся статье «Австрийские социал-демократы о международном братстве рабочих» (1916 г.), посвященной итогам тайной конференции австрийской социал-демократии, Г.В.Плеханов предпослал эпиграфом строки из библии: «И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле, и когда они были в поле, восстал Каин на Авеля и убил его. И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой?». Собравшиеся на съезде делегаты обсуждали вопрос о необходимости и неизбежности объединения рабочих всего мира в единую организацию и о воссоздании Интернационала, при этом ни словом не упомянули о преступлении, которое ими и с их согласия было совершено в отношении сербских, бельгийских, польских, французских и русских «братьев» по классу немногим менее двух лет назад.

[53] *Адлер Виктор* (1852–1918) – один из деятелей австрийского и международного социал-демократического движения. С 1889 г. возглавлял редакцию центрального органа австрийских социал-демократов «Arbeiter-Zeitung». В августе 1914 г. австрийские социал-демократы Австрии так же, как и немецкие, голосовали за необходимость выделения военных кредитов.

[54] По заказу издательства «Мир» Георгий Валентинович с 1909 г. работал над фундаментальным трудом «История русской общественной мысли». Книга не была завершена из-за смерти Плеханова. Первый том вышел из печати в мае 1914 г.

[55] *Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (1770–1831) – немецкий философ.

[56] *Гинденбург Пауль фон* (1847–1934) – в годы Первой мировой войны командовал войсками Восточного фронта (с ноября 1914 г.), начальник Генштаба (с августа 1916 г.). Президент Германии с 1925 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПИСЬМА С ФРОНТА

«В войне с Германией ныне пребывание в траншеях – долг каждого гражданина». Письма М.Федорова Г.В. и Р.М. Плехановым. 1914–1917 гг. (Т.И.Филимонова) 3

«Я здесь на фронте в качестве пилота-наблюдателя». Письма унтер-офицера А.В.Ефстафьева М.В.Нечкиной. 1916 г. (Е.Р.Курапова) 47

В ТЫЛУ

Последний год жизни Сергея Юльевича Витте. По дневникам наружного наблюдения. 1914–1915 гг. (З.И.Перегудова) (Продолжение)..... 53

НАРОДЫ И СУДЬБЫ

Турецкие эмиссары в России. Документы ЦГА РУз. 1910–1914 гг. (Т.В.Котюкова) 85

РОССИЯ В КОСМОСЕ

За порогом – Вселенная. К 70-летию со дня рождения А.А.Леонова. (Т.А.Головкина, А.Н.Орлов)..... 95

АРХИВ ВОЖДЕЙ

«Принять предложение товарища Сталина». Постановления Совета Министров СССР о строительстве новых зданий МГУ на Ленинских горах. 1947–1954 гг. (А.И.Кокурин, Ю.Н.Моруков) (Окончание)..... 115

ФОТОЛЕТОПИСЬ

Мастера русской историографии: Петр Андреевич Зайончковский (1904–1983) (Л.Г.Захарова, Ф.А.Петров, А.Д.Яновский)..... 137

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

«У нас беда – страшная привычка к словам...» Письма депутата Государственной Думы М.В.Челнокова к графине Е.А.Уваровой. 1903–1912 гг. (Ф.А.Селезнев) (Окончание) 153

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

«Дерзаю выставлять на Ваше усмотрение плоды моих занятий». Письма Д.И.Менделеева Николаю II. 1897–1901 гг. (М.М.Савченко) (Окончание)..... 184

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

«Если так будет идти земельное дело дальше, то миллионы бедных крестьян останутся без куска насущного хлеба». Прошение Главного губернского саратовского совета Православного всероссийского братского союза русского народа П.А.Столыпину. 1910 г. (Е.М.Михайлова)..... 216